

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

На правах рукописи
УДК: 94(575.1)
316.3(575.1)(09)

МАХКАМОВА НАДИРА РАХМАНОВНА

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА НА ТЕРРИТОРИИ УЗБЕКИСТАНА:

ТРАДИЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ

(конец XIX в. – 30-е годы XX в.)

07.00.01 – История Узбекистана

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Ташкент – 2009

Работа выполнена в отделе «Историография и источниковедение»
Института истории Академии наук Республики Узбекистан

Научный консультант

доктор исторических наук, профессор
АЛИМОВА Дилором Агзамовна

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор
АГЗАМХОДЖАЕВ Саидакбар Саидович

доктор исторических наук
ЭРГАШЕВ Кулдош

доктор социологических наук, профессор
БЕКМУРОДОВ Мансур Бекмуродович

Ведущая организация:

**Национальный университет Узбекистана
им. Мирзо Улугбека**

Защита состоится «___» _____ 2009 г. в ___ часов на заседании
Объединенного специализированного совета Д.015.09.01 по защите диссертаций на
соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.01 –
История Узбекистана при Институте истории Академии наук Республики Узбекистан
(100170, Ташкент, ул. И. Муминова, 9). Тел.: 262-38-73; факс: 262-93-51;
e-mail: tarih@uzsci.net.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Академии
наук Республики Узбекистан (100170, Ташкент, ул. И. Муминова, 13).

Автореферат разослан «___» _____ 2009 г.

**Ученый секретарь Объединенного
специализированного совета,
доктор исторических наук**

А.А. Аширов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность работы. Провозглашение Республикой Узбекистан независимости обусловило коренные изменения в исторических судьбах ее народа, открыло широкий простор для активных преобразований в экономике, социальной и духовной сферах общества. В годы независимости кардинально изменились суть и содержание исторической науки, которая имеет большое значение при осуществлении стратегии дальнейшего развития государства для возрождения национального самосознания его граждан.

О высокой социальной значимости истории говорил Президент Республики Узбекистан И.А. Каримов на встрече с историками и представителями средств массовой информации летом 1998 г., особо отметив при этом, что «история – это основа духовности народа», что «без исторической памяти нет будущего». Он обратил внимание ученых на необходимость восстановления правдивой истории узбекского народа и научного осмысления с позиций идеологии независимости всех факторов воздействовавших на развитие его общества в условиях различных политических режимов¹.

В Постановлении Кабинета Министров Республики Узбекистан «О совершенствовании деятельности Института истории Академии наук Республики Узбекистан» также отмечалось, что одной из главных задач современной исторической науки «является изучение истории узбекского народа и его государственности», в том числе и «вопросов социально-экономической, культурной и духовной жизни народов, живших на нашей территории с древнейших времен до сегодняшних дней на различных исторических этапах»².

В свете этого историки Узбекистана уже многого достигли за годы независимости. Вместе с тем имеется еще ряд актуальных проблем, требующих не только дополнительного рассмотрения, но и научного переосмысления с современных концептуально-методологических позиций. Одной из них является исследование истории социальных отношений в среднеазиатском регионе и, особенно, истории трансформации социальной структуры его общества, многообразный состав которой, отражавший традиционные занятия населения в условиях рыночной экономики, был уничтожен в советском обществе с единым социалистическим укладом. Сегодня, когда в независимом Узбекистане идет активный процесс формирования социальной структуры общества, базирующегося на рыночной экономике, знание опыта, накопленного в процессе развития этой важной сферы социальных взаимоотношений в республике, может помочь не только полнее понять особенности ментальности ее народа, но и содействовать решению проблем его национального возрождения. Именно это определило необходимость провести комплексный анализ трансформации социальной структуры общества на территории Узбекистана в исторической ретроспективе и обусловило актуальность настоящего исследования.

Новое время потребовало от историков республики применения в работе современных концептуально-методологических подходов, базирующихся на достижениях мировой исторической науки. Прежде всего, это было необходимо сделать для выявления объективной картины социального развития общества, поскольку до конца 80-х годов XX в. в международной исследовательской практике в основном преобладали два концептуальных методологических подхода в изучении этой проблемы – «классовый» и «стратификационный».

В советской историографии безраздельно господствовал «классовый» подход. Он

¹ Каримов И.А. Без исторической памяти нет будущего / Свое будущее мы строим своими руками. – Ташкент: Ўзбекистон, 1999. Т. 7. – С. 128-151.

² Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан «О совершенствовании деятельности Института истории Академии наук Республики Узбекистан» // Народное слово. 1998, 29 июля.

основывался на марксистско-ленинской теории, согласно которой общество делилось на классы, а их основным признаком считалось отношение к средствам производства. В зависимости от того, в чьих руках они находились, определялись и классы – эксплуататоров (собственников средств производства) и эксплуатируемых (не имеющих таковых)³. Такая схема была искусственно создана для решения чисто идеологических задач. Она не учитывала наличия среди населения множества других социальных групп, не имевших классовообразующих признаков, но являвшихся его составными частями – интеллигенции, служащих, духовенства, ремесленников, кустарей, торговцев, домохозяек, инвалидов, учащихся, пенсионеров и т.д. В результате этого в науке не было четкой терминологии, которая давала бы ясное представление о составе жителей региона. Так, в советской историографии применялись такие формулировки, как «класс буржуазии», «класс зажиточных крестьян», «класс трудовых крестьян», просто «класс крестьян» и т.д. Концепция классовой структуры общества не давала возможности правильно определить место каждой социальной группы в нем, выявить факторы, воздействующие на динамику ее развития, создавала односторонний и часто предвзятый взгляд на исторические процессы.

Классовый подход к исследуемой проблеме породил также тенденциозное и одностороннее ее освещение в советской историографии и обусловил написание фальсифицированной истории, когда основной движущей силой социальной жизни общества представлялся только рабочий класс, а такие социально-активные страты как ремесленники, кустари, люди занятые в сфере торговли, национальная интеллигенция, прогрессивное духовенство оценивались по остаточному принципу.

В современных условиях новым задачам исторической науки более отвечает стратификационный подход к изучению социального состава общества, который широко применяется в мировой практике с 40-х годов XX в.⁴ Этот подход делит общество на страты. Сам термин «страта» заимствован в геологии и означает «пласт». В социологии «страта» означает «слой общества», а «стратификация» – его деление на слои. Согласно теории стратификации, в человеческом социуме могут выделяться страты по самым различным критериям – профессиональным занятиям, образованию, этническим, демографическим, гендерным признакам, территориальному местонахождению (городское и сельское население) и т.д. Понятие «страта» более гибкое, чем «класс», оно включает в себя широкий круг общественных явлений и предоставляет широкие возможности для их анализа. По мнению английского социолога Э. Гидденса, понятие «класс» – есть всего лишь «частный случай стратификации»⁵.

Стратификационный подход показывает, что социальная структура общества есть динамично меняющаяся социальная категория и вектор ее изменений определяется общим

³ См.: Энгельс Ф. Анти-Дюринг / Собр. соч., Т. 20. – М., 1961. – С. 5-338; Его же. Письмо Фридриху Адольфу Зорге / Собр. соч., Т. 37. – М., 1965. – С. 8-11; Маркс К. Письмо Иосифу Вейдемейеру / Собр. соч., Т. 28. – М., 1962. – С. 422-429; Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге господина Струве / Полн. собр. соч. (далее ПСС). Т. 1. – М., 1971. – С. 347-534; Его же. О социальной структуре власти, перспективах и ликвидаторстве / ПСС. Т. 20. – М., 1973. – С. 186-207; Его же. Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата / ПСС. Т. 39. – М., 1974. – С. 271-282; Его же. Детская болезнь «левизны» в коммунизме / ПСС. Т. 41. – М., 1974. – С. 1-104; Его же. Как нам реорганизовать Рабкрин (предложения XII съезду партии) / ПСС. Т. 45. – М., 1975. – С. 383-388.

⁴ См.: Weber M. The Theory of Social and Economic organization / translated and edited by A. Henderson and Talcott Parsons. – New York, 1947. – 450 p.; Landberg G., Scharg C., Larsen O. Stratification: Shared Possibilities and Responsibility // Sociology. – 1954. – № 4. – P. 51-89; Schrag C., Larsen O., Catton W. The Nature of Stratification // Sociology. – 1968. – № 4. – P. 65-80; Kraus J. Stratification, Class and Conflict. – New York, 1976. – 300 p.; Whight E. Classe. – London, 1985. – 250 p.; Giddens A. Sociology. – Oxford, 1991. – 250 p.; Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни: очерки теории. – Новосибирск, 1991. – 152 с.; Ильин В.И. Социальная стратификация. – Сыктывкар, 1991. – 72 с.; Дэвис К., Мур У. Некоторые принципы стратификации // Социальная стратификация. – М., 1992. Вып. 1.; Вебер М. Основные понятия стратификации // СОЦИС. – М., 1994. – № 5.; Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. – М., 1995. – 237 с.

⁵ Giddens A. Sociology. – Oxford, 1991. – P. 205.

прогрессом этого общества, который обуславливают умножающиеся и усложняющиеся формы разделения труда, увеличивающееся число профессий, меняющиеся отношения между согражданами, их образ жизни и т.д.

Большие возможности стратификационного подхода позволяют воссоздать более полную картину социальной жизни человеческого социума на каждом этапе его исторического развития. Именно на таком подходе впервые в отечественной историографии рассматриваемой проблемы базируется концептуально-методологическая основа настоящего исследования, а анализ социального состава населения на территории Узбекистана основывается на его стратификации по профессиональным занятиям.

Изучение социальных отношений в среднеазиатском регионе в период с конца XIX в. до конца 30-х годов XX в. с позиций теории стратификации позволило по-новому раскрыть происходившие в нем процессы. В частности, оно показало, что в начале XX в. в Туркестанском крае в среде собственников значительно укрепился особый социальный слой, состоявший из людей среднего достатка – средних собственников. Своим упорным трудом они приносили себе и обществу ощутимую пользу, являлись основой его богатства и гарантом стабильности. Объединяя в своем лице рабочую силу и капитал, они умели быстро мобилизовать трудовые ресурсы семьи, хорошо знали потребности рынка, опирались на свой профессионализм и исторически сложившиеся навыки в производстве товаров для населения и организации сферы услуг. Но советская власть видела в социальных страдах средних собственников только потенциальных врагов нового строя и целенаправленно изжила их из своего общества к концу 30-х годов XX в.

В условиях независимости Президент Республики Узбекистан и ее правительство, учитывая международный и национальный исторический опыт, особенности ментальности населения и, понимая созидательное значение для развития производительных сил страны хозяйственной деятельности слоя средних собственников, придают огромное значение созданию и укреплению этого слоя как основы успешного развития общества. «Именно класс средних собственников, – пишет И.А. Каримов, – является опорой формируемого гражданского общества... Не чувствуя себя настоящим собственником, человек не будет бороться за свои права, за конечные результаты и эффективность производства»⁶.

По нашему мнению, знание накопленного опыта успешного функционирования слоя средних собственников в Туркестанском крае в конце XIX – начале XX вв. может помочь понять специфику его деятельности в условиях свободного рынка и глубже осознать значение в жизни общества. Изучение этого опыта входит в задачи настоящей диссертационной работы и подтверждает актуальность проблемы.

Таким образом, необходимость изучения и переосмысления с новых концептуально-методологических позиций социальной структуры общества на территории Узбекистана, места и роли всех его социальных страт в их взаимосвязи и взаимодействии в длительной исторической ретроспективе отвечают потребностям настоящего дня и определяют актуальность избранной темы диссертации.

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца XIX в. до конца 30-х годов XX в. Этот выбор был обусловлен тем, что позволил исследовать социальное развитие общества на территории Узбекистана в исторической ретроспективе и более глубоко проанализировать структурные трансформации, которые оно претерпело в условиях различных политических режимов. В пределах избранных хронологических рамок рассматривались периоды – колониальный (конец XIX в. – октябрь 1917 г.) и советский (октябрь 1917 г. – конец 30-х годов XX в.). Внутри последнего были выделены этапы: октябрь 1917 г. – первая половина 20-х годов XX в. – начало трансформирования

⁶ Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса / По пути безопасности и стабильности развития. – Ташкент: Узбекистон, 1998. Т. 6. – С. 155-156.

советской властью социальной структуры старого общества; вторая половина 20-х годов XX в. – активное вытеснение советской властью в процессе монополизации экономики страны социальных страт коренного населения, занятых в традиционных для региона сферах деятельности; 30-е годы XX в. – окончательная ликвидация традиционных социальных страт региона, завершение социального конструирования нового общества.

Степень изученности проблемы. Комплексный анализ исторической литературы показывает, что исследуемая тема в новой концептуально-методологической постановке и исторической ретроспективе до настоящего времени не выступала в качестве объекта изучения. Тем не менее, историография проблемы базируется на определенном объеме литературы, в которой она рассматривается по отдельным аспектам и периодам. Анализ научных публикаций и исследований, затрагивающих различные аспекты избранной темы, освещается в первой главе диссертации. В целях реализации системного подхода историография данной темы разделена на следующие классификационные группы, характеризующиеся внутренним понятийным, методологическим и идеологическим единством: 1) работы ученых и краеведов колониального периода; 2) публикации советского периода; 3) научные труды периода независимости; 4) исследования зарубежных ученых.

Связь диссертационной работы с тематическими планами НИР. Диссертация была выполнена в рамках фундаментального научно-исследовательского проекта «Историография Узбекистана XX в.», разрабатываемого в отделе «Историография и источниковедение» Института истории Академии наук Республики Узбекистан, а также в составе авторского коллектива 5 и 6 томов «Истории Узбекистана», подготавливаемого Институтом истории Академии наук Республики Узбекистан.

Цель исследования. В работе впервые в отечественной историографии предпринята попытка с современных концептуально-методологических позиций, на значительно обновленной источниковой базе проанализировать в исторической ретроспективе трансформации социальной стратификации общества на территории Узбекистана в тесной взаимосвязи с общественно-политическими и социально-экономическими событиями в период с конца XIX в. до конца 30-х годов XX в. Для реализации данной цели были поставлены следующие задачи:

–определить основные этапы изменений социальной структуры общества на территории Узбекистана в условиях колониального и советского режимов, изучить специфические особенности, динамику и тенденции изменений всех ее социальных страт на каждом из них, переосмыслить их роль в обществе⁷;

–выявить направления трансформаций социального состава общества коренного населения территорий, вошедших в состав Туркестанского генерал-губернаторства, после завоевания Российской империей;

–проследить процесс упрочения слоя средних собственников в Туркестане в начале XX в., показать созидательный характер деятельности собственников в условиях свободного рынка, их роль и возможности в преодолении кризисного положения региона в начале 20-х годов XX в.;

–переосмыслить с позиций нового методологического подхода сущность политики советской власти по отношению к различным социальным стратам населения, раскрыть репрессивный характер ее мероприятий по социальной стратификации общества на территории Узбекистана в ходе политических и социальных преобразований в 20–30-е

⁷ В диссертации не ставилась задача исследовать трансформации социальной стратификации обществ Бухарского эмирата и Хивинского ханства, а также БНСР и ХНСР, поскольку в период от установления Российского протектората до трагического распада в 1924 г. они были юридически независимыми государствами со своим общественно-политическим устройством и сословной структурой общества, а их экономическое и социальное развитие имело целый ряд специфических особенностей. Изучение их истории представляет собой серьезную проблему, требующую нового, глубокого переосмысления в самостоятельной работе.

годы XX в.;

–показать процесс уничтожения в Узбекистане исторически сложившихся страт коренного населения по традиционным видам профессиональной деятельности и его трагические последствия;

–рассмотреть позитивные и негативные стороны формирования новых социальных страт советского общества – промышленных рабочих и «рабоче-дехканской» интеллигенции;

–проанализировать итоги социального конструирования советской власти к концу 30-х годов XX в.

Объектом и предметом исследования является социальная стратификация общества на территории Узбекистана и ее трансформации в условиях колониального и советского режимов в период с конца XIX в. до конца 30-х годов XX в.

Теоретико-методологические основы исследования. Для решения поставленных задач в работе использовались основные методологические принципы диалектического мышления: историзм, объективность, всесторонность, детерминизм, системность, требующие рассмотрения всех процессов генетически, через выявление основных этапов развития, раскрытия причинно-следственных связей, подхода к ним как к целостной системе, в которой каждый элемент занимает свое, строго определенное, место, обусловленное закономерностями его возникновения и существования.

Диссертация построена на новом в отечественной историографии стратификационном концептуально-методологическом подходе к исследованию социальной структуры общества на территории Узбекистана, который коренным образом отличается от марксистского классового подхода.

Для разработки методологических основ данного исследования особую ценность представляют положения и выводы, содержащиеся в трудах и выступлениях Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова. В них сформулированы принципы национальной идеологии, поставлены задачи современной исторической науки, предлагается качественно новая модель государственного и социального строительства, формирования демократического правового общества, базирующегося на рыночной экономике, определен путь достижения его прогресса.

Использование всего этого методологического арсенала научного познания раскрыло новые возможности в научном анализе исследуемой проблемы.

Источниковая база исследования. Диссертация написана на основе обширной источниковой базы. В ней впервые в отечественной историографии были широко использованы материалы всеобщих демографических переписей населения – первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.⁸, переписи городского населения ТАССР 1923 г.⁹, всесоюзных переписей населения 1926 г.¹⁰, 1937 г.¹¹ и 1939 г.¹². Они содержат уникальные сведения о составе общества на территории Узбекистана на решающих рубежах его развития – в конце XIX века, в начале и в середине 20-х годов XX в., в конце 30-х годов XX в., что позволило глубоко проанализировать динамику трансформаций его социальной структуры.

Материалы этих переписей являются источником с высоким информационным

⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 83. Самаркандская область. – СПб., 1905. – 94 с.; Т. 86. Сырдарьинская область. – СПб., 1905. – 116 с.; Т. 89. Ферганская область. – СПб., 1904. – 114 с.

⁹ Классовый и профессиональный состав городского населения ТАССР в 1923 г. (по результатам городской переписи населения в 1923 г.). – Ташкент, 1924. – 142 с.

¹⁰ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XXXII. Узбекская ССР. Отдел II. Занятия. – М., 1929. – 202 с.

¹¹ Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 г. – М., 1996. – 152 с.; Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги. Сборник документов и материалов. – М., 2007. – 320 с.

¹² Узбекистан. Экономико-географическая характеристика. – Ташкент, 1950. – 302 с.; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Узбекская ССР. – М., 1962. – 167 с.

потенциалом, но в советской исторической литературе лишь фрагментарно использовались отдельные их сведения в основном об общей численности населения. Это, в известной мере, можно объяснить тем, что эти данные объективно не свидетельствовали об эффективности социальной политики советской власти в 20–30-е годы XX в., и изданы они были тиражом всего по тысячи экземпляров. О переписи 1937 г., вообще, до середины 90-х годов XX в. ничего не было известно научной общественности из-за того, что она не показала «триумфальных достижений» социализма, о победе которого было декларировано партией в 1936 г. Организаторы этой переписи были репрессированы, а материалы признаны не действительными и пролежали в архивах почти полвека под грифом «секретно». Такая же судьба постигла и материалы переписи 1939 г., поскольку ее результаты также оказались далеко не победными. Лишь отдельные сведения были опубликованы в 1950 г. в справочнике «Узбекистан. Экономико-географическая характеристика» и в 1962 г. в итогах переписи 1959 г.

Как исторический источник в диссертации широко использовались данные локальных переписей 20–30-х годов XX в. (всероссийских сельскохозяйственных – 1917 г. и 1920 г., промышленной – 1920 г., жилищной переписи населения г. Ташкента 1921 г., переписи учреждений и служащих г. Ташкента 1924 г., переписи населения г. Самарканда 1925 г., жилищной переписи г. Ташкента 1932 г.), а также многочисленные статические сборники, издававшиеся в этот период.

Солидную источниковую базу диссертации составили документы Центрального государственного архива Республики Узбекистан (ЦГА РУз), Государственного архива г. Ташкента (ГА г. Ташкента) и Центрального государственного архива научно-технической и медицинской документации Республики Узбекистан (ЦГА НТМД РУз).

Дополнением к архивным источникам послужили документы, опубликованные в 50–80-е годы в тематических сборниках¹³. Несмотря на то, что их содержание, по замыслу составителей, должно было иллюстрировать только достижения советской власти, переосмысленные с новых позиций, они полезны и современным исследователям. По подбору документов и их социальному звучанию коренным образом отличается от этих сборников изданный в 2006 г. трехтомник «Трагедия среднеазиатского кишлака: коллективизация, раскулачивание, ссылка. 1929–1955. Документы и материалы» (отв. редактор Д.А. Алимova, составители Р.Т. Шамсутдинов, Б.М. Расулов), материалы которого впервые убедительно и полномасштабно раскрывают трагедию узбекского дехканства в ходе коллективизации сельского хозяйства.

В работе широко использованы уникальные по информационному уровню материалы первого за годы советской власти детального обследования кишлаков и аулов Средней Азии, проведенного специальной комиссией Средазбюро ЦК ВКП(б) в 1925 г.¹⁴. Изданные в 1926–1927 гг. специальными выпусками, они очень точно характеризовали реальное политическое, экономическое и социальное положение кишлака в середине 20-х годов XX в., свидетельствуя, в частности, о крайне слабых в нем позициях советской власти.

¹³ Рабочий контроль и национализация промышленности в Туркестане (1917–1920 гг.) Сб. док. – Ташкент, 1955. – 237 с.; Социалистическое переустройство сельского хозяйства в УзССР. Сборник документов в 3-х томах. – Ташкент: АН Уз ССР, Т. 1. 1962. – 794 с.; Т. 2. 1968. – 475 с.; Т. 3. 1980. – 372 с.; Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Сборник документов в 2-х томах. Т. 1. Установление советской власти в Узбекистане. – Ташкент: АН УзССР, 1963. – 659 с.; Т. 2. Упрочение советской власти в Узбекистане – Ташкент: Фан, 1972. – 608 с.; Культурное строительство в Туркестанской АССР в период установления советской власти и гражданской войны (1917–1924 гг.). Сборник документов. Т. 1. – Ташкент, 1973. – 250 с. и др.

¹⁴ Современный кишлак Средней Азии. Социально-экономический очерк. Вып. I. Ниязбекская волость. – Ташкент, 1926. – 175 с.; Вып. II. Ханкинская волость. – Ташкент, 1926. – 156 с.; Вып. III. Китабская волость. – Ташкент, 1926. – 272 с.; Вып. IV. Вабкентская волость. – Ташкент, 1926. – 170 с.; Вып. V. Балыкчинская волость. – Ташкент, 1927. – 144 с.; Вып. VI. Исфаринская волость. – Ташкент, 1927. – 158 с.; Вып. IX. Чимбайская волость. – Ташкент, 1927. – 162 с.; Вып. X. Каракульская волость. – Ташкент, 1927. – 180 с.

В качестве исторических источников в работе также использовалась и периодическая печать 20–30-х годов, которая хорошо отражает хронологическо-событийную ситуацию в республике, дополняет конкретными примерами архивные документы.

Анализ, сопоставление и критическое осмысление всех вышеназванных источников позволили диссертанту попытаться объективно решить поставленные цели и задачи.

Основные положения, выносимые на защиту. Проведенные в ходе работы исследования позволяют сформулировать следующие основные положения, выносимые на защиту:

- социальная структура общества – это динамично развивающаяся категория и ее трансформации должны обуславливаться его естественным развитием; насильственное вмешательство в этот процесс оборачивается для общества огромными социальными, экономическими и демографическими потерями;
- социальная стратификация общества на территории Узбекистана за небольшой исторический срок (конец XIX в – конец 30-х годов XX в.) дважды претерпела серьезные трансформации в условиях различных политических режимов;
- слой средних собственников, сложившийся и укрепившийся в Туркестане в начале XX в., являлся активной производительной, необходимой обществу силой, гарантом его стабильности; обладая большими потенциальными возможностями, он успешно функционировал в условиях свободного рынка до октября 1917 г. и при советской власти после введения НЭПа;
- политика советской власти по стратификации нового общества на территории Узбекистана носила репрессивный характер и была направлена против основной массы населения, ее результатом было уничтожение всех социальных страт старой социальной структуры общества, занятых в традиционных для региона видах профессиональной деятельности;
- процесс формирования новых советских страт в Узбекистане – рабочего класса, колхозного дехканства, «рабоче-дехканской» интеллигенции проходил трагично и сложно, так как не был подготовлен предыдущим развитием общества, а являлся следствием революционного скачка и осуществлялся экстремистскими методами на жесткой классовой основе;
- итоги социального конструирования в Узбекистане к концу 30-х годов XX в. показали несостоятельность попыток советской власти создать равноправное и однородное общество.

Научная новизна исследования определяется постановкой и решением задач, которые оставались пока вне поля зрения отечественной историографии. Не претендуя на исчерпывающее раскрытие проблемы, диссертант впервые в исследовательской практике предприняла попытку подойти к изучению проблемы социальной структуры общества на территории Узбекистана с совершенно новых концептуально-методологических позиций теории социальной стратификации, рассмотреть ее комплексно, в течение значительного исторического периода.

Научную новизну работы определяет также использование в ней системного подхода к исследованию социального состава общества, рассматривающего его как совокупность непрерывно развивающихся взаимосвязанных и взаимодействующих между собой социальных страт, что позволяет обеспечить качественный анализ трансформаций каждой социальной страты в отдельности и структуры общества в целом.

Новизна исследования состоит также в обогащении его источниковой базы, поскольку автором введен в научный оборот значительный комплекс ранее не использованных обществоведами источников, а также в переосмыслении уже изучавшихся исторических документов и литературы. Все это позволило на качественно

более высоком уровне осветить искаженные ранее или совсем не раскрытые страницы истории узбекистанского общества.

Практическая и научная значимость результатов диссертации определяется непосредственной связью ее с современным состоянием отечественной исторической науки, требующей совершенствования методологии и методов познания, расширения проблематики исследования. В соответствии с этими требованиями в диссертации взята в качестве объекта исследования проблема трансформаций социальной структуры общества на территории Узбекистана в условиях колониального и советского режимов, до настоящего времени не разрабатываемая в отечественной историографии. Ее научная значимость определяется впервые применяемым стратификационным концептуально-методологическим подходом к исследованию социального состава общества, большим хронологическим периодом и привлечением широкого круга новых источников. Ее практическая значимость состоит в том, что систематизированные и обобщенные в работе материалы вносят вклад в дальнейшее углубление знаний об историческом прошлом Узбекистана. Результаты исследования могут быть использованы обществоведами, политологами, историками при написании трудов по истории Узбекистана, научно-методических пособий для студентов высших и средне-специальных учебных заведений, при подготовке кадров высшей квалификации.

Реализация результатов работы. Материалы исследования, выводы, рекомендации диссертанта использованы при чтении лекций студентам Ташкентского университета информационных технологий, при написании общих и специальных курсов, учебно-методических пособий, учебной программы и методических указаний по предмету «История Узбекистана», а также монографии «Социальная структура общества на территории Узбекистана: традиции и трансформации (конец XIX в. – 30-е гг. XX в.)».

Апробация работы. Диссертация была обсуждена на совместном заседании отделов «История Узбекистана XIX – XX веков» и «Историография и источниковедение» Института истории Академии наук Республики Узбекистан, а также на научном семинаре при Объединенном Специализированном совете Д.015.09.01 по специальности 07.00.01 – «История Узбекистана». Основные ее положения были изложены в докладах на 13 научных конференциях: в том числе на 1-й международной научно-теоретической конференции «Вопросы сравнительного религиоведения» (Ташкент, 14–16 сентября 2006 г.); 2-й международной научно-теоретической конференции «Вопросы сравнительного религиоведения» (Сиэтл (США), 15 апреля 2007 г.); Международной конференции «Вклад Узбекистана в развитие исламской цивилизации» (Ташкент – Самарканд, 14–15 августа 2007 г.); Международной конференции Социальная жизнь народов Центральной Азии в первой четверти XX века: традиции и инновации» (Ташкент, 12–13 сентября 2008 г.); «Ўзбекистон пойтахти Тошкент 2200 ёшда» (Ташкент, май 2009 г.)

Опубликованность результатов. Основные положения и выводы диссертации отражены в 38 публикациях, включающих 1 монографию, 3 методических пособия, 21 журнальную статью (в том числе 3 в иностранных журналах).

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованных источников и литературы. Общий объем работы 323 листа.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается актуальность темы, определяются цели, задачи, хронологические рамки исследования, его теоретико-методологическая и источниковая база, показывается научная новизна и практическая значимость работы.

В первой главе «Историография проблемы» характеризуется степень ее изученности. Отмечается, что хронологические рамки исследования — конец XIX в. – 30-е годы XX в. определили необходимость изучения в предлагаемой работе большого пласта исторической литературы, создававшейся более чем 100 лет в условиях различных политических режимов с позиций соответствующих им концептуально-методологических подходов. Так, труды российских авторов, изданные в колониальный период, были написаны с позиций стратегии имперской державы и должны были оправдывать действия самодержавия в Средней Азии. Доминантой их методологического подхода была исключительно негативная оценка уровня развития государств этого региона. Специальных работ, посвященных анализу социальной структуры общества Туркестанского Генерал-губернаторства в тот период не было создано. Но имелось значительное число исследований, в той или иной степени касавшихся отдельных аспектов проблемы. Богатую информацию об экономике колониального Туркестана, его общественно-политической жизни, социальных отношениях, составе населения, положении отдельных социальных страт содержат труды В.В. Григорьева, А.П. Хорошхина, М.И. Венюкова, А. Мидендорфа, Г.А. Арандаренко, И.И. Гейера, В.И. Массальского, А.П. Демидова, А.Ф. Губаревич-Радобыльского, В.Н. Оглоблина, В.В. Заорской и А.А. Александра¹⁵. Особо надо отметить капитальный труд супругов В.В. Заорской и А.А. Александра, интересный для нас тем, что дает первые и единственные официальные обобщающие сведения о численности промышленных заведений в Туркестане к 1914 г., характере их производства и, особенно, о численности, профессиональном и национальном составе новой для края социальной страты – промышленных рабочих.

Ценные для нас данные о состоянии сельского хозяйства края, земельных отношениях в туркестанском кишлаке, его социальной структуре в начале XX в., реальном экономическом положении небольших дехканских хозяйств, являвшихся в этот период основными производителями хлопка, предоставляют нам работы чиновников налоговой службы Туркестанского края А.И. Шахназарова, А.П. Демидова, агронома Управления по переселенческим делам Сырдарьинской области В.И. Юферева, агронома земельно-податного отдела той же области С.В. Понятовского¹⁶.

Значительный вклад в изучение таких важных проблем, как социальные отношения, социальная психология, ментальность и быт коренного населения Туркестана, роль религии в его жизни внесли труды видных русских краеведов и этнографов В.П. Наливкина, Н.П. Остроумова, А.И. Добросмыслова, Н.С. Лыкошина¹⁷.

¹⁵ Григорьев В.В. Россия и Азия. Сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии, написанных в разное время. – СПб., 1876. – 575 с.; Хорошхин А.П. Сборник статей, касающихся Туркестанского края. – СПб., 1876. – 532 с.; Мидендорф А. Очерки Ферганской долины. – СПб., 1878. – 489 с.; Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане. 1874–1889. – СПб., 1889. – 667 с.; Гейер И.И. Туркестан. – Ташкент, 1909. – 346 с.; Россия. Полное географическое описание. Т. XIX. Туркестанский край / Составитель князь В.И. Массальский. – СПб., 1913. – 861 с.; Демидов А.П. Экономический очерк хлопководства, хлопковой торговли и промышленности в Туркестане. – Ташкент, 1912. – 256 с.; Заорская В.В. и Александр А.А. Промышленные заведения Туркестанского края. – Петроград, 1915. – 559 с.

¹⁶ Шахназаров А.И. Сельское хозяйство в Туркестанском крае. – СПб., 1908. – 512 с.; Демидов А.П. Экономический очерк хлопководства, хлопковой торговли и хлопковой промышленности в Туркестане. – Ташкент, 1912. – 256 с.; Юферев В.И. Труд в хлопковых хозяйствах Туркестана. – СПб., 1914. – 60 с.; Его же. Хозяйство сартов Ферганской области. – Ташкент, 1911. – 76 с.; Понятовский С.В. Опыт изучения хлопководства в Туркестане и Закаспийской области. – СПб., 1913. – 357 с.

¹⁷ Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. – Казань, 1886. – 244 с.; Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. – Ташкент, 1913. – 144 с.; Остроумов Н.П. Сарты.

Отдельное место в исторической литературе занимают труды среднеазиатских авторов о событиях конца XIX – начала XX вв.¹⁸ Важные сведения о политической и экономической ситуации, социальной структуре общества, образе жизни коренного населения Средней Азии содержатся в трудах придворных историков Бухарского эмирата¹⁹.

Особо надо выделить в работах среднеазиатских авторов колониального периода многочисленные статьи и очерки лидеров джадидской интеллигенции в публикуемых ими в начале XX в. периодических изданиях, которые по воле советских идеологов были практически закрыты для ученых до начала 90-х годов XX в. Творческое наследие джадидов представляет для современной исторической науки огромный интерес. Оно ценно тем, что создавалось высокообразованными людьми своего времени, которые хорошо знали край, болели за его будущее и, анализируя позитивные и негативные последствия его завоевания Россией, давали объективную характеристику состояния промышленности и ремесленного производства, социальных отношений, культуры, общественной жизни Туркестана и сопредельных с ним государств.

Литературу советского периода представляют работы историков и обществоведов, изданные в 20–80-е годы XX в. Их методология базировалась на марксистско-ленинской классовой теории, а отличительной чертой была ярко выраженная апологетика советского строя. В соответствии с идеологической конъюнктурой, в них изучался «опыт борьбы коммунистической партии за построение социалистического общества» в республике, рассматривались вопросы формирования и деятельности рабочего класса, колхозников и «рабоче-дехканской» интеллигенции. Все эти процессы излагались только в позитивной динамике. При этом другие группы населения 20–30-х годов – ремесленники, кустари, люди, занятые в сфере торговли, духовенство, национальная интеллигенция оценивались как явные или потенциальные враги советского строя²⁰.

Информационная и научная значимость литературы советского периода неоднозначна. Для нашей работы большой интерес представляли труды историков, известных партийных и общественных деятелей по социально-экономической проблематике, изданные в 20-е годы²¹. Их авторы работали еще в сравнительно благоприятных условиях, когда в науке не утвердился методологический классовый подход, допускались нестандартные выводы, плюрализм мнений, обращалось внимание

Этнографические материалы. Вып. 1. – Ташкент, 1896. – 272 с.; Его же. Введение в курс исламоведения. – Ташкент, 1914. – 215 с.; Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. – Ташкент, 1912. – 520 с.; Лыкошин Н.С. Полжизни в Туркестане. Очерк быта туземного населения. – Петроград, 1916. – 412 с.

¹⁸ Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае / Публикация, перевод и приложения Н.И. Веселовского. – СПб., 1894. – 126 с.; Фуркат Закирджан. Автобиография / Остроумов Н.П. Сарты. – С. 243–263; Мухаммад Азиз ибн Мухаммад-Риза Маргилани. Тарихи Азизи. – Тошкент, 1999. – 150 б.; Исхак-хан тура ибн Джунайдалла Ходжа. Мизан аз-Заман. – Ташкент – Токио, 2001. – 56 с.

¹⁹ Махдум Шарифджан. Бухарский трактат о чинах и званиях / Перевод и комментарии А.А. Семенова // Советское востоковедение. Т. V. – М. – Л., 1948. – С. 137–153; Дониш Ахмад. История мангитской династии / Предисловие и примечания И.А. Наджафовой. – Душанбе, 1967. – 142 с.; Юсуф мунши Мухаммад. Та'рих-и Муким-хоний (Мукимханская история) / Перевод, примечания и указатели А.А. Семенова. – Ташкент, 1956. – 303 с.; Сами Мирза Абдал'азим. Та'рих-и салатин-и мангитийа (История мангитских государей) / Издание текста, предисловие и примечания Л.М. Епифановой. – М., 1962. – 248 с.

²⁰ См.: Непомнин В.Я. Исторический опыт строительства социализма в Узбекистане (1917–1937 гг.). – Ташкент, 1960. – 382 с.; История народного хозяйства Узбекистана. Т. I. – Ташкент, 1962. – 250 с.; История Узбекской ССР. Т. II. – Ташкент, 1967. – 707 с.; Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана. – Ташкент, 1974. – 768 с. и др.

²¹ Сафаров Г. Колониальная революция (опыт Туркестана). – М., 1921. – 147 с.; Рыскулов Т. Революция и коренное население Туркестана (Сборник главнейших статей, докладов, речей и тезисов). Ч. 1. 1917–1919. – Ташкент, 1925. – 218 с.; Силонов А.К. К вопросу о роли ростовщического капитала в сельском хозяйстве Средней Азии. – Ташкент, 1926. – 77 с.; Ходжаев Ф. Десять лет борьбы и строительства (К десятой годовщине Октября). – Самарканд – Ташкент, 1927. – 42 с.; Резцов Л. Октябрь в Туркестане. – Ташкент, 1927. – 119 с.; Галузо П.Г. Туркестан – колония (Очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 г.). – М., 1929. – 235 с.; Лаврентьев В. Капитализм в Туркестане (Буржуазная колонизация Средней Азии). – Л., 1930. – 160 с.

на достоверность фактов, а не на их политическую оценку. Все это положительно сказалось на научном уровне этих работ и качестве предоставляемой ими богатой и объективной информации.

В эти же годы крупными экономистами и аграрниками А.П. Демидовым, Г.И. Черданцевым, Ю.М. Понятовским, Ю.М. Пославским, В.И. Юферовым, Н.К. Ярошевичем²² был опубликован ряд работ, которые являлись результатами детального исследования социально-экономического положения туркестанского кишлака в первые годы советской власти и содержали взгляды авторов на пути выхода из создавшегося кризиса. Именно за свои взвешенные выводы и рекомендации они в последующие годы были названы в советской историографии «аполитичными оппортунистами» и «буржуазными фальсификаторами», которые, якобы, «прикрываясь научным объективизмом, отстаивали буржуазный путь развития сельского хозяйства Узбекистана»²³. Эти работы на долгое время были преданы забвению.

Последующие годы в историографии советского периода были трудными для обществоведов и малоэффективными для развития исторической науки, которая по мере продвижения вперед процесса строительства социализма все более политизировалась и деформировалась, а творческая мысль исследователей сдерживалась идеологическим диктатом. Тем не менее, нельзя полностью зачеркивать вклад в науку ученых, работавших в эти годы. Они накопили и обобщили в традициях своего времени огромный фактический материал, и не их вина в том, что при тоталитарной власти они были поставлены в условия, требующие выполнения концептуальных установок партийных органов.

В конце 50-х годов XX в. в историографии Узбекистана появилась новая концепция оценки завоевания Туркестана Российской империей. Оно стало называться «присоединением». Состоявшаяся в 1959 г. специальная научная сессия положила начало активной пропаганде положения о том, что произошедшее во второй половине XIX в. «присоединение Средней Азии к России, имело для ее народов огромное прогрессивное значение, оно приобщило их к революционной борьбе русского пролетариата, который принес великие идеи классовой борьбы, нашедшие среди трудящихся масс региона благоприятную почву»²⁴.

С позиций этой концепции в 60–80-е годы XX в. был издан ряд фундаментальных исследований по истории колониального Туркестана²⁵. Социальная структура общества специально в них не рассматривалась, но в них содержались сведения по некоторым ее аспектам (численность населения, занятия). Коллективная монография «Социально-экономическое и политическое положение Узбекистана накануне Октября»²⁶, изданная в

²² Демидов А.П. Экономические очерки хлопководства, хлопкоторговли и хлопковой промышленности в Туркестане. 2-е изд. – М., 1922. – 260 с.; Среднеазиатский экономический район (под ред. Ю.М. Пославского и Г.И. Черданцева). – Ташкент, 1922. – 128 с.; Юферов В.И. Хлопководство в Туркестане. – Л., 1925. – 158 с.; Его же. Очерки по экономике хлопкового хозяйства. – М., 1927. – 175 с.; Ярошевич Н.К. Организация крестьянского хозяйства Средней Азии (популярный очерк). – Самарканд – Ташкент, 1926. – 85 с.

²³ См.: Предисловие / Социалистическое переустройство сельского хозяйства в Узбекистане (1917–1926 гг.). Сб. док. – Ташкент, 1962. – С. 6.

²⁴ См.: Материалы объединенной научной сессии, посвященной прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. – Ташкент, 1959. – 184 с.

²⁵ Аминов А.М. Экономическое развитие Средней Азии (колониальный период). – Ташкент, 1959. – 298 с.; Вахобов М. Ўзбек социалистик миллати. – Тошкент, 1960. – 536 б.; Его же. Формирование узбекской социалистической нации. – Тошкент, 1961. – 587 с.; Кастельская З.Д. Из истории Туркестанского края (1865–1917). – М., 1960. – 118 с.; Зиёев Х. Ўрта Осиё ва Сибирь (XVI–XIX асрлар). – Тошкент, 1962. – 342 б.; Савицкий А.П. Поземельный вопрос в Туркестане. – Ташкент, 1963. – 208 с.; Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). – М., 1965. – 468 с.; Юлдашев А. Аграрные отношения в Туркестане (конец XIX – начало XX в.). – Ташкент, 1969. – 255 с.; Вексельман М.И. Российский монополистический и иностранный капитал в Средней Азии (конец XIX – начало XX в.). – Ташкент, 1988. – 185 с.

²⁶ Социально-экономическое и политическое положение в Узбекистане накануне Октября. – Ташкент, 1963. – 229 с.

1963 г., практически была посвящена анализу только экономического и частично политического положения Туркестанского генерал-губернаторства. При этом надо отдать должное ее авторам в том, что, несмотря на эту новую концепцию, они акцентировали внимание читателей на негативных последствиях присоединения края к России, показывая, как политика царского правительства практически тормозила развитие экономики этого богатого региона.

Попытки рассмотреть проблему социальной стратификации общества в целом были предприняты в монографии С. Турсунмухамедова «Великий Октябрь и изменения социальной структуры Советского Узбекистана»²⁷, изданной в конце 70-х годов XX в., и в коллективной монографии «Изменение классовой структуры общества в Узбекистане за годы советской власти (1917–1980 гг.)»²⁸, изданной в начале 80-х годов XX в. Концептуально они полностью соответствовали идеологическим требованиям своего времени. В них советское общество характеризовалось как трехчленная структура, состоящая из двух основных классов – рабочих и крестьян-колхозников и прослойки – интеллигенции. Все остальные группы населения для авторов как бы не существовали и оставались вне изучения. Характерной чертой этих монографий была исключительно позитивная оценка процесса формирования и развития этих «основных» классов.

В 1989 г. Р.Х. Каримовым была защищена докторская диссертация «Социально-экономическое развитие Узбекистана в 1921–1925 годы: узловые аспекты, исторический опыт»²⁹. Она была написана уже в русле перестроечных процессов, когда в исторической науке начались некоторые идеологические подвижки и обществоведы пытались отойти от стереотипов официальной методологии. На основе новых данных и ранее просто пропущенных фактов, автором были критически осмыслены особенности социально-экономического развития Узбекистана в условиях перехода к новой экономической политике. К сожалению, ограниченные хронологические рамки исследования не позволили автору показать полную динамику только еще начавшихся изменений социальной структуры общества на территории Узбекистана.

Изданная в 1991 г. монография Р.Г. Рабича «Формирование и развитие социальной структуры Узбекистана (1917–1941 гг.)»³⁰ была следующим шагом в изучении проблемы. Ее достоинством была попытка автора отойти от сложившихся стереотипов и дать не характерную для советской историографии конца 80 – начала 90-х гг. XX в. негативную оценку миграции европейского населения в Узбекистан в годы первых пятилеток, коллективизации сельского хозяйства, путей формирования советской интеллигенции. Но в целом работа Р.Г. Рабича не достигла, заявленного им, прорыва в изучении проблемы формирования социальной структуры Узбекистана в 1917–1941 гг., поскольку к ее раскрытию он подошел со старых методологических позиций марксистско-ленинской классовой теории состава общества.

Характер проблематики и подход к освещению основных проблем отечественной истории коренным образом изменился после обретения Узбекистаном независимости, когда у отечественных обществоведов появилась реальная возможность объективно и самостоятельно, без заранее заданных идейных рамок освещать историю своего народа, создавать работы в качественно новом концептуальном ключе с установкой на общепринятые научные принципы и идеологию независимости.

²⁷ Турсунмухамедов С. Великий Октябрь и изменение социальной структуры советского Узбекистана. – Ташкент, 1977. – 184 с.

²⁸ Изменение классовой структуры общества в Узбекистане за годы советской власти (1917–1980). – Ташкент, 1984. – 303 с.

²⁹ Каримов Р.Х. Социально-экономическое развитие Узбекистана в 1921–1925 годы: узловые аспекты, исторический опыт.: Автореф. дис. докт. истор. наук. – Ташкент, 1989. – 52 с.

³⁰ Рабич Р.Г. Формирование и развитие социальной структуры Узбекистана (1917–1941 гг.). – Ташкент, 1991. – 124 с.

Созданные уже в новых условиях коллективные монографии³¹, сборники научных статей³², индивидуальные монографии³³, а также многочисленные диссертационные работы отличаются новизной методологических подходов и новым прочтением исторических источников. Они положили начало процессу научного раскрытия деформаций в экономической, социальной и культурной сферах общества, исследованию пагубных последствий колониаторской политики царского и советского правительств, изучению таких важных проблем как национально-освободительная борьба народов Туркестана, вклад национальной интеллигенции в развитие общества, трагедия узбекского кишлака в результате массовой коллективизации и мн. др. Под руководством профессора Д.А. Алимовой в республике сформировалась научная школа по изучению движения джадидизма, роли лидеров джадидской интеллигенции в развитии политической и культурной жизни края, значения для современников их творческого наследия³⁴. Все вышеназванные работы свидетельствуют о значительном продвижении вперед исторической науки республики за годы независимости. В то же время их анализ показывает, что при всем многообразии поднятых учеными республики проблем, тема трансформаций социальной структуры общества на территории Узбекистана в период с конца XIX в. до конца 30-х годов XX в. остается пока еще не затронутой.

Необходимо также отметить, что в годы независимости отечественные ученые получили свободный доступ к исследованиям западных ученых, называвшихся в советское время за объективную оценку, происходивших в социалистическом государстве преобразовательных процессов, «буржуазными фальсификаторами» и поэтому находившихся под строгим запретом.

Из них по интересующей нас проблеме можно выделить 2 группы:

- первая: работы по теории стратификации Питирима Сорокина, Талькот Парсонса, Макса

³¹ Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. – Ташкент, 2000. – 672 с.; Тарих шохидиги ва сабоқлари чоризм ва совет мустамлакачилиги даврида. Ўзбекистон миллий бойликларининг ўзлаштирилиши. – Тошкент, 2001. – 463 б.; Тарихнинг ҳасратли саҳифалари. – Тошкент, 2006. – 304 б.

³² Мустақил Ўзбекистон тарихининг дастлабки саҳифалари. – Тошкент, 2000. – 224 б.; Марказий Осиё XX аср бошида: ислохотлар, янгиланиш, тараққиёт ва мустақиллик учун кураш (Жадидчилик, мухториятчилик, истиқдолчилик). – Тошкент, 2001. – 142 б.; Очерки по истории государственности Узбекистана. – Ташкент, 2001. – 207 с.

³³ Абдурахимова Н.А., Рустамова Г. Колониальная система власти в Туркестане во второй половине XIX – первой четверти XX в. – Ташкент, 1999. – 162 с.; Алимова Д. Женский вопрос в Средней Азии: история изучения и современные процессы (20–80-е годы). – Ташкент, 1991 – 250 с.; Ее же. История как история, история как наука. Т. 1. История и историческое сознание. – Ташкент, 2008. – 280 с.; Агзамходжаев С.С. История туркестанской автономии (Туркистон мухторияти). – Ташкент, 2006. – 263 с.; Аминова Р.Х. Возвращаясь к истории коллективизации в Узбекистане. – Ташкент, 1995. – 83 с.; Голованов А.А. Крестьянство Узбекистана: эволюция социального положения. 1917–1937. – Ташкент, 1992. – 160 с.; Голованов А.А., Саидов И.М. Дехканство Узбекистана на историческом повороте второй половины XIX – первой трети XX вв. – Самарканд, 2007. – 384 с.; Зиёев Х. Туркистонда Россия тажовузи ва ҳуқумронлигига қарши кураш. – Тошкент, 1998. – 475 б.; Зиёева Д. Туркистон миллий озодлик ҳаракати. – Тошкент, 2000. – 176 б.; Хасанов Б.В. Национальная интеллигенция Узбекистана и исторические процессы. 1917 – начало 50-х годов. – Ташкент, 2000. – 202 с.; Шамсутдинов Р. Кишлоқ фожеаси: жамоатлаштириш, қулоқлаштириш, сургун (Ўрта Осиё республикалари мисолида). – Тошкент, 2003. – 542 б.

³⁴ Жадидчилик: ислохот, янгиланиш, мустақиллик ва тараққиёт учун кураш (Туркистон ва Бухоро жадидчилиги тарихига янги қизгилар). Даврий тўплам № 1. – Тошкент, 1999. – 220 б.; Ўзбекистон тарихининг далалатли муаммоларига янги қизгилар. Даврий тўплам № 2. – Тошкент, 1999. – 208 б.; Алимова Д.А. Историческое мировоззрение джадидов и их проекция будущего Туркестана / Туркистон мустақиллиги ва бирлиги учун кураш саҳифаларидан. – Тошкент, 1991. – Б. 8-20; Ее же. Бухара в конце XIX – начале XX века и зарождение джадидизма // Общественные науки в Узбекистане. – Ташкент, 1997. – № 9-10-11. – С. 81-93; Ее же. Религиозная толерантность и гуманистические идеи национально-прогрессивной интеллигенции Туркестана // O'zbekiston tarixi. – Ташкент, 2005. – № 3. – С. 12-21; Бабаджанов Б.М. Журнал «НАҲИҚАТ» как зеркало религиозного аспекта в идеологии джадидов // TIAS Central Eurasian Research Series. № 1. University Tokyo, 2007 – С. 1-66; Турсунов Р. Жадидларнинг Туркистон ижтимоий-иқтисодий ҳолатига қарашлари // O'zbekiston tarixi. – Тошкент, 2004. – № 3. – Б. 60-69; Еро же. XX аср бошидаги миллий матбуотида Туркистондаги ижтимоий-иқтисодий ҳаёт масалалари // O'zbekiston tarixi. – Тошкент, 2007. – № 1. – Б.74-86.

Вебера, Милтон М. Гордона, Леонарда Бигли, Даниэль Россидеса³⁵ и мн. др., в которых социальная структура общества рассматривалась независимо от уровня развития производительных сил и производственных отношений;

- вторая: исследования широко известных западных ученых, например, таких как М. Чокаев, Дж. Бэргхорн, В. Монтэйль, А. Парк, Б. Хайит, М. Ривкин, Дж. Уиллер, Б. Уолш, Элен Каррер д'Анкос, Э. Оллворт, В. Линн, Шошанна Келлер³⁶ и др., подвергавших критике сугубо классовый, политизированный подход советских историков к освещению процессов социалистического строительства в Узбекистане и особенно таких его аспектов, как социальная и аграрная политика коммунистической партии и советской власти, репрессивные меры против национальной интеллигенции и мусульманского духовенства, формирование кадров промышленных рабочих за счет приезжих из центра европейцев, путей и методов решения вопроса раскрепощения женщин, имперских позиций центра в вопросах культурного строительства и др.

В конце главы делается вывод, что при всем разнообразии накопленных знаний комплексное и системное исследование трансформаций всех элементов социальной структуры общества на территории Узбекистана в их взаимосвязи, взаимозависимости и взаимодействии с позиций нового мировоззренческого подхода стратификационной теории в отечественной науке пока еще не проводилось.

Во второй главе диссертации «Социальная стратификация общества в Туркестанском генерал-губернаторстве» исследуются трансформации его социальной структуры в условиях колониального режима. Отмечается, что завоевание обусловило серьезные изменения в политическом и экономическом положении, а также в социальных отношениях его коренного населения. Оно способствовало вовлечению края в хозяйственную жизнь России, находившейся в то время на более высоком уровне развития, активизировало товарно-денежные отношения, индустриальное и железнодорожное строительство. Но оно принесло населению региона полную потерю независимости, превратило богатейший край в колонию и обрекло его на положение монокультурного сырьевого придатка метрополии, кардинально изменило внутреннюю структуру местного общества, которое к моменту прихода завоевателей делилось на сословия: высшие – «сипо» (военнослуживое), «уламо» (духовное) и низшее «фукаро» (простонародье). Царское правительство не сочло нужным признать и сохранить эту сословную структуру, несмотря на то, что сама Российская империя в этот период была сословным государством³⁷. В материалах первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в Туркестанском генерал-губернаторстве по сословиям были расписаны только европейцы, а все его коренные жители были объединены в одну совершенно новую социальную категорию – «иностранцы». Таким образом, сословная

³⁵ Sorokin P. Society, Culture, and Personality. – New York: Harper, 1947 – 420 p.; Parsons T. The Structure of Social Action. – New York, 1937 – 80 p.; Weber M. The Theory of Social and Economic Organization / translated and edited by A. Henderson and Talcott Parsons. – New York, 1947 – 450 p.; Rossides D. Social Stratification. The Interplay of Class, Race, and Gender. – New Jersey, 1997 – 524 p.; Kraus J. Stratifications Class and Conflict. – New York, 1979. – 300 p.; Giddens A. Social Theory and Modern Sociology. – Stanford, 1987. – 280 p.

³⁶ Chokaev (Chokai-ogly) Mustapha. Turkestan and the Soviet Regime // Journal of the Royal Central Asian Society, XVIII (1931). – P. 403-420; Monteil V. Les musulmans sovietiques. – Paris, 1957. – 150 p.; Park A. Bolshevism in Turkestan. 1917–1927. – New York, 1957. – 428 p.; Hayit Baymirza. Some Problems of Modern Turkistan History. – Dusseldorf, 1963. – 61 p.; Rywkin M. Russia in Central Asia. – London, 1963. – 191 p.; Wheeler G. The modern History of Soviet Central Asia. – Washington, 1964. – 272 p.; Ero же. The peoples of Soviet Central Asia. – London, 1966. – 126 p.; Jukeles A. Social Change in Soviet Russia. – Cambridge, 1968. – 220 p.; Walsh W. Russia the Soviet Union. A modern history. – Michigan University Press, 1968. – 682 p.; Carrere D'Encausse Hellen. Islam and Russian Empire. – University of California Press, 1988. – 190 p.; Ollworth E. The modern Uzbeks From the Fourteenth Century to the Present. – California, 1990. – 410 p.; Lynne V. The Role of the OGPU in Dekulakization, Mass Deportation, and Special Resettlement in 1930 // The Carl Beck Papers. January, 2000. – 50 p.; Keller Shoshana. To Moscow, Not Mecca. The Soviet Campaign against Islam in Central Asia. 1917–1941. – Westport, Connecticut, London, 2001. – 277 p.

³⁷ Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. – М., 2004. – С. 269.

принадлежность у коренного населения края перестала быть показателем положения личности в обществе и социальные страты, входившие в высшие сословия, лишились всех своих привилегий. Сословность осталась только на бытовом уровне как психологический стереотип, как рудимент обыденного сознания. В стратификации общества ее заменила принадлежность к социальным стратам по видам профессиональной деятельности, что объективно имело и положительные последствия, так как ликвидация сословных ограничений создавала равные возможности для реализации потенциальных сил всех социальных страт.

Новая политическая и экономическая ситуация, изменившаяся структура власти обусловили появление в социальном составе населения Туркестанского генерал-губернаторства таких новых и чуждых для его коренного населения социальных страт как чиновники колониальной администрации, военнослужащие российской армии, христианское духовенство, служащие фирм и банков, крестьяне-переселенцы. Это были приезжие европейцы, составлявшие всего около 4% населения края, но, являясь опорой новой власти, они пользовались огромными привилегиями.

Основу стратификации общества Туркестанского генерал-губернаторства в исследуемый период составляли страты, представлявшие традиционные виды занятий его коренного населения – дехкане, ремесленники, кустари, лица, занятые в сфере торговли, мусульманское духовенство, национальная интеллигенция. В главе приводятся сведения характеризующие численность, состав, сферу занятий каждой из этих страт.

Самой многочисленной стратой в колониальном Туркестане были дехкане. В 1908 г. они составляли 86,17 % населения³⁸. Нуждаясь в дешевом сырье, царское правительство протекционистской политикой обусловило активное развитие в крае хлопководства. Выращивание хлопка, который становится в начале XX в. одной из самых высокотоварных и выгодных для его производителей культур, способствовало быстрому превращению дехканских хозяйств из натуральных в товарные и обуславливало ряд специфических особенностей в земельных отношениях и внутренней структуре кишлака. В начале XX в. в нем усилилась социальная дифференциация, укрепились середняцкие хозяйства, их число значительно выросло, из зажиточных дехкан начала формироваться новая социальная группа – бай. В целом же в сельском хозяйстве края в этот период сложилась ситуация, когда основными производителями хлопка практически являлись небольшие хозяйства, имевшие в среднем 2-3 десятины земли.

В туркестанском кишлаке в этот период специфическими были и внутренние социальные отношения. Несмотря на наличие неравенства в социальном положении и материальном достатке, в нем не было открытого антагонизма между бедными и богатыми. Это объяснялось бытовыми особенностями сельской жизни, сильными традициями взаимопомощи и взаимовыручки сельской общины, а также ментальностью коренного населения региона. Но социального мира в кишлаке в начале XX в. не было, поскольку в нем росло недовольство против русских крестьян-переселенцев и колониальной администрации, отнимавшей у них лучшие поливные земли. «Аграрный конфликт, – пишет А. Парк, – приобретал поэтому здесь национальную окраску»³⁹.

Весомое место в хозяйственных связях туркестанского общества занимала страта кустарей и ремесленников. Их производственная деятельность была издавна широко развита в регионе, хорошо приспособлена к удовлетворению потребностей населения. Все виды ремесленных промыслов были освещены религией и строго регламентировались цеховыми уставами – «рисоля», а основной формой профессионального воспроизводства была веками выработанная система ученичества. В конце XIX в. в Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областях насчитывалось 184 тыс. зарегистрированных

³⁸ Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Ч. 1. – СПб, 1911. – С. 32.

³⁹ Park A. Bolshevism in Turkestan. 1917–1927. – Columbia University Press, New York. 1957. – P. 294.

кустарей и ремесленников, что составляло около 25 % их занятого населения. Почти 99 % из них были коренные жители края ⁴⁰. Их деятельность была полностью направлена на удовлетворение потребностей местного рынка. Они занимались переработкой хлопка, ремонтно-строительными работами, обработкой металлов, ткачеством, изготавливали сельскохозяйственный инвентарь, одежду, пищевые продукты, мебель, арбы, гончарные изделия и т.д. Несмотря на конкуренцию завозимых из России фабричных товаров, в известной мере сокративших местное производство металлической посуды, бумажного текстиля, гончарных изделий, металлообработку, туркестанские кустари и ремесленники и к 1917 г. оставались абсолютными монополистами в обработке дерева, производстве местного сельхозинвентаря, одежды, пищевых продуктов, строительных работах и транспортных услугах и не имели проблем со сбытом своей продукции ⁴¹.

Значительной экономической силой в Туркестанском генерал-губернаторстве в исследуемый период была страта, состоящая из людей занимающихся торговлей. В конце XIX в. в трех ведущих областях края в этой сфере было занято около 6% их самодеятельного населения ⁴². Как и среди ремесленников, в подавляющем большинстве это были коренные жители. Завоевание сузило поле деятельности туркестанских купцов, оставив им только розничную торговлю, тогда как крупную оптовую торговлю сосредоточили в своих руках российские текстильные магнаты и крупные торговые дома. Однако уже в начале XX в. крупные местные купцы-миллионеры – Мухаммад Саид-бай Садыкжанов с сыновьями и внуками, Миркамыш Мирмуминбаев, Мирсаид Азимбаев, Юсуф Давыдов и др. также включились в крупные торговые операции и начали по примеру российских купцов и промышленников вкладывать свои торговые капиталы в строительство промышленных предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья. Так, Юсуф Давыдов, глава крупнейшего в крае одноименного торгового дома, построивший в 1884 г. первый хлопкоочистительный завод в Ташкенте ⁴³, в начале XX в. владел 6 хлопкоочистительными заводами и поставлял ежегодно на рынки России 1 миллион пудов уже не хлопка-сырца, а очищенного хлопкового волокна на 15 млн. руб. ⁴⁴ Это означало, что в социальной структуре общества Туркестанского генерал-губернаторства начала формироваться новая социальная страта – местной торгово-промышленной буржуазии. Она вносила весомый вклад в развитие производительных сил края, вела активную просветительскую и благотворительную деятельность, являлась значительной позитивной силой в социальной жизни местного общества.

Очень важные социальные процессы происходили в духовной жизни туркестанского общества. Из лучших представителей его образованной части – зиёли – в конце XIX – начале XX вв. формируется новая социальная страта – прогрессивная национальная интеллигенция, которая активно заявила о себе в культурной и общественно-политической жизни. Ее ядром были туркестанские джадиды. Понимая суть колониальной политики царизма, они выступали за проведение реформ, без которых невозможен прогресс общества. Объединяя выходцев из различных социальных страт местного населения, движение джадидов аккумулировало их интересы и чаяния и стремилось реализовывать в своей активной общественно-политической деятельности. Национальная интеллигенция в этот период была немногочисленна, но очень значима для общества в его устремлениях к прогрессу и независимости.

Огромную роль в жизни местного общества продолжало играть мусульманское духовенство. Оно сохранило свое особое ведущее положение в духовно-нравственной

⁴⁰ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 83. – С. IX; Т. 86. – С. XIII; Т. 89. – С. IX, 114.

⁴¹ Статистический ежегодник. 1917–1923. – Ташкент, 1924. Т. II. Ч. 1. – С. 46-47.

⁴² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 83. – С. 94; Т. 86. – С. 116; Т. 89. – С. 114.

⁴³ ЦГА РУз, ф. И-269, оп. 1, д. 148, л. 51.

⁴⁴ ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 17, д. 954. л. 26.

сфере, судопроизводстве, народном образовании, которое раньше принадлежало сословию «уламо», только теперь оно занимало это положение согласно своим профессиональным занятиям. В конце XIX в. в трех областях края насчитывалось 7,7 тыс. лиц духовного звания мусульманской конфессии, что составляло 0,8 % от числа их занятого населения и 0,2 % – от общего числа жителей⁴⁵. В своем подавляющем большинстве мусульманская духовная элита в Туркестанском генерал-губернаторстве была крайне консервативна. Но была в его среде и прогрессивная часть, которая осознавала, что местное общество нуждается в обновлении и выступала за модернизацию мусульманских культурных традиций, за реформу системы образования. Большинство из них стало активными участниками движения туркестанских джадидов.

Развитие промышленности в крае на рубеже XX в. обусловило начало формирования в среде занятого населения еще одной новой социальной страты – рабочих. К октябрю 1917 г. в Туркестане насчитывалось в общей сложности свыше 76 тыс. рабочих⁴⁶, что составляло 1,5 % населения. В подавляющем большинстве это были неквалифицированные рабочие из коренных национальностей занятые в мелких частных кустарных заведениях или ремесленных мастерских. В их числе промышленные рабочие имели совсем небольшой удельный вес, их квалифицированная часть состояла исключительно из европейцев и находилась в привилегированном положении. В целом промышленные рабочие в Туркестане были не консолидированы, разобщены по национальному признаку и не являлись самостоятельной политически активной силой.

Отдельное внимание в главе уделено рассмотрению положения, состава и тенденций развития еще одной важной страты, составляющей экономическую основу социальной структуры общества, базирующегося на рыночных отношениях. Это страта собственников, состоящая из владельцев различной по видам, форме и размерам собственности. Развитие товарно-денежных отношений, промышленное и железнодорожное строительство создали в Туркестанском генерал-губернаторстве в начале XX в. благоприятные условия для укрепления их положения. К 1917 г. в нем в числе мужчин работоспособного возраста (то есть старше 18 лет), 76 % владели различной по размерам и видам собственностью, 11,2 % – практически ее не имели (безземельные дехкане – 0,5%, фабрично-заводские рабочие и наемные работники у кустарей и ремесленников – 7,4%, служащие, учащиеся, инвалиды – 3,3 %). Дехкане-мардикеры, владевшие до 0,5 десятины земли и составлявшие 12,8 % населения, находясь на грани потери своей собственности и перехода или в безземельные дехкане, или в городские рабочие, представляли промежуточную категорию между этими двумя социальными группами⁴⁷.

Ведущим ядром слоя собственников в начале XX в. были крупные промышленники, купцы, землевладельцы, зажиточные дехкане, кустари и ремесленники. Это были хозяева, имеющие наемных работников и живущие на доходы, получаемые от результатов их труда. Всего их было около 19,6 % среди мужчин работоспособного возраста⁴⁸. Но в основном же слой собственников состоял из людей среднего достатка, которые и являлись производительной силой общества. Это были владельцы небольших земельных участков, мельниц, рисорушек, кустарных промышленных заведений, ремесленных мастерских, магазинов, лавок, караван-сараев, чайхан и т.д. Их преобладание в сельскохозяйственном, ремесленно-кустарном производствах, торговле было характерной чертой социальной структуры региона в исследуемый период. Будучи

⁴⁵ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 83. – С. 94; Т. 86. – С. 116; Т. 89. – С. 114.

⁴⁶ См.: Вексельман М.И. О численности рабочего класса Средней Азии накануне Октября // Общественные науки в Узбекистане. – Ташкент, 1985. – № 9. – С. 29.

⁴⁷ Статистический ежегодник. 1917–1923. Т. I. Ч. 3. ... – С. 42–44.

⁴⁸ Статистический ежегодник. 1917–1923. Т. I. Ч. 3. ... – С. 42.

не только владельцами собственности, но в подавляющем большинстве непосредственными участниками производственного процесса, они соединяли в своем лице и рабочую силу и капитал. Им не нужны были социальные потрясения. Осознавая себя частью общества, они были кровно заинтересованы в его стабильности и поэтому являлись ее гарантами.

Наличие собственности, а также специфические внутрисоциальные отношения доброжелательности и взаимопомощи у коренного населения края, поддерживаемые институтами махалли в городе и сельской общиной в кишлаке, обусловили тот факт, что дестабилизирующих устремлений в Туркестане не было ни среди сельского, ни среди городского населения. Это доказала их пассивность в октябрьском перевороте 1917 г.

В третьей главе «Трансформация социальной структуры общества в Туркестане после установления советской власти» раскрываются сложные трансформационные социальные процессы, которые происходили в республике в начале 20-х годов XX в. Они развивались в двух направлениях – начинала формироваться новая социальная структура строящегося советского общества, и набирал силу болезненный процесс уничтожения прежней социальной структуры. В главе показывается, как в этот период целенаправленно перестраивалась на новых революционных началах политическая и экономическая жизнь страны, закладывался фундамент ее новой социальной структуры, осуществлялась ярко выраженная классовая социальная политика советской власти, направленная на углубление социально-классовой дифференциации общества и, в конечном счете, на разрушение его старой стратификации.

Вопреки мифу, созданному советской историографией об активном участии в Туркестане трудящихся коренных национальностей в событиях 1917 г. и последующих преобразовательных процессах советской власти, факты свидетельствуют об обратном. Октябрьский переворот 1917 г. был осуществлен здесь практически только силами рабочих европейцев и, как писал Б. Хайит, «русский народ был практически единственным представителем диктатуры пролетариата в Туркестане»⁴⁹, а местные трудящиеся не допускались к руководству строительством нового общества под предлогом их малограмотности, теоретической неподготовленности и недостаточной сознательности. Поэтому практически все революционные преобразования в Туркестане осуществлялись европейцами под руководством коммунистов, присланных из центра. Основную задачу первого этапа социалистического строительства – утвердить позиции рабочего класса как социальной базы социалистического строительства и решающей силы, формирующей социалистический экономический уклад, большевистская партия решала здесь крайне жесткими методами в условиях абсолютизации классового подхода, располагая очень незначительным числом промышленных рабочих, которое из-за царившей разрухи неуклонно сокращалось. Если в начале 1921 г. на 269 предприятиях ценовой промышленности республики было занято 17624 рабочих, то в начале 1922 г. на оставшихся 168 предприятиях – только 11787 рабочих⁵⁰. Сами промышленные рабочие в этот период были малочисленной политической силой. Их число неуклонно сокращалось даже на крупных предприятиях, а заработная плата была настолько мала, что вынуждала отрываться от рабочей среды и заниматься ремесленно-кустарными промыслами, сельским хозяйством или торговлей, то есть шел процесс их деклассирования. К тому же, в подавляющем большинстве они были неграмотны и разобщены языковым барьером.

Перепись городского населения 1923 г. зарегистрировала в республике 73,3 тыс. рабочих. Они составляли 23,5 % городского самостоятельного населения. Но большинство из них были наемные работники в индивидуальных дехканских хозяйствах, частных

⁴⁹ Hayit Baymirza. Some Problems of Modern Turkistan history. An annalysis of Soviet attacks on the alleged falsifiers of history of Turkistan. – Dusseldorf, 1963. – P. 21.

⁵⁰ Статистический ежегодник. 1917-1923. Т. II. Ч. 3. ... – С. 539, 589.

ремесленно-кустарных мастерских, торговых заведениях, стройках. В их составе было 25,6 тыс. чернорабочих и 11 тыс. поденных рабочих. Социальной опорой партии могли быть только 8,6 тыс. фабрично-заводских и железнодорожных рабочих. Их удельный вес составлял 11,9 % в общем числе рабочих, 2,8 % в городском самостоятельном населении и 0,9% во всем городском населении⁵¹.

Советская власть в этот период, укрепляя приоритетное положение рабочих в политической сфере, создавала для них значительные преимущества при решении проблем занятости, улучшения условий и оплаты труда, снабжения продовольствием и промышленными товарами. Но эти льготы предоставлялись не всем рабочим, а только занятым в государственной фабрично-заводской промышленности.

Уделяя большое внимание проблеме роста рабочего класса, советская власть решала ее через школы фабрично-заводского ученичества, расширение источников пополнения – трудоустройство безработных, привлечение в промышленность кустарей и ремесленников. Кроме того, в этот период увеличение числа промышленных рабочих, особенно его квалифицированной части, происходило за счет приезжих из центральных районов страны. Именно в начале 20-х годов начинается их приток в промышленность Туркестана.

В результате всех принятых мер число рабочих в Туркестане постепенно начало расти. К 1925 г. в цензовой промышленности оно увеличилось до 8908 человек⁵². Но рабочих коренных национальностей в их составе было чуть больше 2,5 тысяч или 29,3 %⁵³.

В целом же социальная база диктатуры пролетариата в Туркестане в начале 20-х годов была слабой и не представляла реальной политической силы ни в обществе, ни в правящей партии. В начале 1921 г. в республиканской партийной организации было всего 29,2 % рабочих⁵⁴.

Поставленная советской властью задача – построить бесклассовое общество обусловила ее социальную политику по отношению к имущим слоям населения. Все ее действия были направлены на то, чтобы подорвать экономический потенциал владельцев собственности, всемерно ослабить их роль и влияние в экономике, создать политические и экономические условия, при которых невозможно было не только их развитие, но и само существование, и, в конечном итоге, уничтожить их как самостоятельную социальную силу. По существу это было выдавливание из общества не только дееспособных, материально обеспеченных и предприимчивых людей, а уничтожение целых страт и групп населения. Б. Хайит писал, что советская власть, ведя борьбу за утверждение своих позиций в Туркестане, «боролась против основных слоев его населения, против негибких, самовольных туркестанцев – интеллигенции, купцов, владельцев небольшой собственности (средних дехкан-фермеров и ремесленников), для которых новая власть несла беды, а ее неприятие называла классовой борьбой»⁵⁵.

Наиболее интенсивно реализовывалась эта задача в Туркесреспублике в начале 20-х годов по отношению к городским собственникам. Государство разделяло их на группы – на «хозяев, использующих наемный труд», «хозяев, работающих только с членами семьи» и «хозяев одиночек». В городах Туркестана в начале 20-х годов их удельный вес был самый высокий по стране и составлял в среднем 48 %, тогда как в Европейской части РСФСР – 19,9 %, Белоруссии – 29,7 %, Киргизии – 35,4 %, Украине – 39,4 %⁵⁶. И с первых

⁵¹ Классовый и профессиональный состав городского населения ТАССР в 1923 г. – Ташкент, 1924. – С. 46.

⁵² Народное хозяйство Средней Азии в цифрах. Стат. сб. – Ташкент, 1929. – С. 54-55.

⁵³ Два года социалистического строительства в Узбекистане. Отчет правительства УзССР IV съезду советов. – Ташкент, 1931. – С. XIX.

⁵⁴ Коммунистическая партия Туркестана и Узбекистана в цифрах. (Сб. стат. материалов). 1918–1967. – Ташкент, 1968. – С. 46.

⁵⁵ Hayit Baymirza. Some Problems of Modern Turkistan History... – P. 36.

⁵⁶ Классовый и профессиональный состав городского населения ТАССР. ... – С. 12-13.

дней установления новой власти именно против них она начала жесткую войну – проводила национализацию средств производства и капиталов, массовые реквизиции и конфискации имущества, налагала высокие налоги и т.д. Все эти репрессивные меры отражались на общей стратификации городского населения. Полностью исчезли из его структуры крупная земельная, торгово-промышленная и финансовая буржуазия, комиссионеры, маклеры.

Сужая поле хозяйственной деятельности имущего населения, советское государство вычеркнуло его большую часть из общественно-политической жизни. Первая Конституция ТАССР, принятая в октябре 1918 г., лишила политических прав все духовенство; лиц, прибегающих к наемному труду с целью извлечения прибыли, или живущих на нетрудовые доходы; частных торговцев; коммерческих посредников⁵⁷.

Но помимо быстро исчезающих социальных страт в структуре населения городов Туркестана в начале 20-х годов XX в. оставалось большое число мелких и средних собственников (ремесленники, кустари, торговцы, садоводы, огородники, извозчики и др.), которых государство не могло сразу уничтожить, так как это была значительная часть городского дееспособного населения, экономическая сила, обладающая высокой активностью в сфере товарно-денежных отношений. Являясь самостоятельной экономической единицей, они сумели перенести все невзгоды, так называемой, «красногвардейской атаки на капитал», политики «военного коммунизма», сумели сохранить свое дело и свое умение трудиться. Новая экономическая политика способствовала оживлению их деятельности. Получив простор для активного хозяйствования, они начали борьбу с разрухой и, обладая большим, чем пролетарское государство, опытом, быстро сумели оживить торговлю и значительно расширить производство необходимых для населения продуктов питания и товаров широкого потребления.

При низком уровне развития крупной фабрично-заводской промышленности в регионе в 20-е годы еще была широко востребована деятельность кустарей и ремесленников. Такие отрасли, как производство арб, сельхозинвентаря, мебели, одежды, посуды и других предметов домашнего обихода местного населения полностью отсутствовали в ценовой промышленности Туркестана. Их производили только ремесленники и кустари. Жизнеспособность и устойчивость их производственной деятельности объяснялась, прежде всего, тем, что они опирались исключительно на местный сырьевой рынок, трудовые ресурсы своей семьи, их работа не требовала сложных инструментов, а потому их изделия были дешевы.

Советская власть боялась активизации этих мелких товаропроизводителей и стремилась как можно быстрее повернуть их в социалистическое русло через кооперирование. Но кооперативы кустарей и ремесленников создавались на строго классовой основе, поэтому были бедными и слабыми, власти не могли оказывать им активной помощи, и это движение развивалось очень медленно. В марте 1922 г. компартия Туркестана, боясь усиления «непролетарского влияния», запретила принимать их в профсоюзы, в результате чего значительная часть городского населения осталась без социальной защиты государства и была поставлена в ранг людей второго сорта. «Никто не думал о том, – писал в 1921 г. Г.И. Сафаров, – что в стране карликового мелкого производства именно они должны были стать основой новой производственной организации, именно на них должен был быть построен план привлечения массы коренного населения к общественному производству»⁵⁸.

Другой значительной социальной стратой городского населения, участвующей в развитии товарно-денежных отношений и в восстановлении разрушенного хозяйства

⁵⁷ Съезды советов РСФСР и автономных республик РСФСР, Сб. док. Т. 1. – М., 1959. – С. 285-286.

⁵⁸ Сафаров Г.И. Колониальная революция (опыт Туркестана). – М., 1921. – С. 178..

республики были торговцы, число которых с переходом к НЭПу увеличилось. Укрепились они и экономически, поскольку почти весь частный капитал устремился не в промышленность, а в торговлю, позволявшую обеспечить быструю оборачиваемость капитала и получать высокую прибыль. Поэтому в начале 20-х годов в экономике региона сложилась парадоксальная ситуация, когда промышленность находилась практически полностью в руках государства, а торговля – у частника. Особенно сильны были его позиции в розничной торговле. В 1923 г. государству принадлежало 0,6 % розничной торговли, кооперации – 0,9 %, а частникам – 98,5 %.⁵⁹

Несмотря на значительный вклад кустарей, ремесленников, торговцев в восстановление разрушенной экономики республики, советская власть считала их социально чуждыми элементами. Она не хотела видеть в них силу, которая могла бы помочь ей восстановить разрушенную экономику и более эффективно решать вопросы социалистического строительства. Поэтому, чтобы предотвратить их рост она всемерно ограничивала их деятельность, добиваясь этого постоянно ужесточавшейся финансово-кредитной, арендной, налоговой политикой.

Значительную часть социальной страты мелких товаропроизводителей-собственников в ТАССР в начале 20-х годов составляли дехкане. Первая мировая война, восстание 1916 г., засуха и неурожай 1917 г., голод 1918 г. сильно ухудшили их положение. В туркестанском кишлаке, по сравнению с началом XX в., значительно увеличилось число безземельных и бедняцких хозяйств, уменьшилось число зажиточных середняцких и байских хозяйств. Но практически не изменилось количество хозяйств с 1-2 десятинами, которые оказались наиболее устойчивыми в условиях разрухи⁶⁰.

По своему единоличному способу ведения хозяйства и социальной психологии собственников, дехкане, как и кустари, ремесленники, торговцы, были для советской власти постоянным источником появления ее врагов. Поэтому все свои усилия в первые годы своего становления она направляет на создание в кишлаке социалистических форм хозяйствования, новых социальных структур, укрепление своей социальной опоры в лице беднейшей части дехкан, повышение их социальной активности, всемерное ограничение возможностей развития единоличных хозяйств.

Прежде всего, советская власть начала формировать в прежде единой страте дехкан новые социалистические страты – рабочих государственных советских хозяйств и дехкан, объединенных в коммуны, артели, товарищества. В кишлаке появляются новые, до того времени не известные дехканам, хозяйственные формы в земледелии – коллективные хозяйства. Особенность их создания в этот период состояла в том, что они организовывались не в приказном порядке, а путем добровольного соглашения группы дехкан-единоличников, как правило, самых бедных. К концу лета 1919 г. в республике было создано свыше 400 коллективных хозяйств, которые имели 35 тыс. дес. земли и объединяли до 40 тыс. человек⁶¹. Их положение было очень тяжелым, в большинстве случаев они мало отвечали стоящим перед ними задачам.

Пытаясь создать себе в кишлаке социальную опору в лице беднейших дехкан, советская власть сознательно противопоставляла их старательным хозяевам, провоцировала раскол традиционно единого сельского общества. Проводились реквизиции и конфискации у богатых односельчан сельхозинвентаря, семян, рабочего скота и т.д., создавались «классовые организации» – комитеты бедноты, союзы бедноты, «Кошчи».

В целом же деятельность советской власти в кишлаке в первые годы ее становления крайне негативно отразилась на положении дехкан-единоличников. В

⁵⁹ Статистический ежегодник. 1917–1923. Т. II. Ч. 2. ... – С. 163-164.

⁶⁰ Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Ч. II. – СПб., 1911. – С. 121-122; Статистический ежегодник. 1917–1923. Т. II. Ч. 3. ... – С. 65. (подсчеты диссертанта).

⁶¹ ЦГА РУз, ф. Р-29, оп. 3, д. 1518, л. 302.

Туркестане в 1920 г., по сравнению с 1917 г., почти на 16 % сократилось число их хозяйств, на 20,7 % уменьшилось сельское население⁶².

Земельно-водная реформа 1921–1922 гг., ликвидировав пережитки колониальной переселенческой политики царизма, не внесла существенных изменений в земельные отношения в кишлаке, не изменила положение дехкан. Их основная масса не выступила против баев и не поддержала в ожидаемых властями масштабах политику ограничения байского землевладения. Но, как писал американский исследователь М. Ривкин, «была охотно принята дехканами из-за ее антирусской, антиколониальной направленности»⁶³.

Ситуация в кишлаке начала меняться в положительную сторону после провозглашения НЭПа, создавшего для дехкан единоличников возможности снова стать активными самостоятельно хозяйствующими субъектами. Начавшееся возрождение сельского хозяйства осуществлялось именно их силами, а не колхозами и совхозами, которых было очень мало и экономически они были не состоятельными. Но успешному восстановительному процессу мешала доминанта сугубо классового подхода к решению острых сельских социально-экономических проблем. Система арендных отношений и использование наемного труда, налоговая и кредитная политика, создание кооперативов строились на классовой основе и строго контролировались. В целом же, в начале 20-х годов социальная структура кишлака по сравнению с 1917 г. практически не изменилась, что и констатировал VII съезд Коммунистической партии Туркестана в марте 1923 г.⁶⁴

Новому социалистическому строю была крайне необходима своя интеллигенция – социальная категория любого цивилизованного общества, состоящая из специалистов профессионально занимающихся высококвалифицированным умственным трудом в различных областях государственной, производственной, научной, культурной и общественной деятельности, и имеющих, как правило, образование, соответствующее их профессии. Поскольку у советского государства практически не было такой своей страты, то в первые годы перед ним стояли две задачи – привлечь на службу старую «буржуазную» интеллигенцию и начать формировать новую «рабоче-крестьянскую».

Большевики считали Туркестан экономически и культурно отсталым регионом с крайне малочисленной национальной интеллигенцией, к тому же зараженной идеями «панисламизма» и «пантюркизма», отказывались видеть в ней интеллектуальную силу, способную стать помощницей новой власти, тогда как именно ее передовая часть и, прежде всего, джадидское ядро, в своем большинстве поддержали советскую власть. Патриотически настроенные национальные лидеры, работавшие в правительстве республики, Т. Рыскулов, К. Атабаев, С. Турсунходжаев, И. Хидыралиев, А. Рахимбаев, Н. Тюракулов, Ф. Ходжаев, А. Фитрат и др., несмотря на негативное отношение большевиков-европейцев, активно выступали за привлечение образованных национальных кадров к строительству новой жизни. Благодаря их стараниям они получали возможность служить своему народу, работая в системе народного образования, культурно просветительных учреждениях, органах печати.

Более сложным было положение мусульманского духовенства, как составной части зиёли. Первые же декреты советской власти «Об отделении церкви от государства», «Об отмене вакфного имущества», «О ликвидации судов казиев и биев», «О закрытии мадраса и мактабов» нанесли удар по духовенству, как интегрирующей силе мусульманского общества. Кроме того, Конституция Туркестанской республики, принятая в 1918 г., лишила все духовенство избирательных и политических прав, исключив его тем самым из общественно-политической жизни. Но государственными актами не возможно было отменить всеобъемлющее влияние религии, которое складывалось и утверждалось веками.

⁶² Статистический ежегодник. 1917–1923. Т. II. Ч. 3. ... – С. 23-25.

⁶³ Rywkin M. Russia in Central Asia. – New York – London, 1963. – P. 63.

⁶⁴ Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях съездов и конференций. – Ташкент: Узбекистан, 1988. – С. 227-228.

Они лишь вызвали сильное недовольство основной массы населения, а влияние духовенства в повседневной жизни оставалось практически прежним. Поэтому, опасаясь взрыва народного недовольства, советская власть вынуждена была пойти на отдельные уступки, и в первые годы мусульманское духовенство в Туркестане продолжало регулировать гражданские правовые отношения местного населения, координируя, в известной мере, народное образование через мактабы и мадраса. В 1923 г. в городах Туркесреспублики было зарегистрировано 3562 служителя культа. В том числе 3346 мусульманских священнослужителей (94 % всех священнослужителей). Они составляли 1,1 % городского самостоятельного населения.

Но если мы располагаем точными сведениями о численности в начале 20-х годов рабочего класса, дехканства, кустарей и ремесленников, духовенства, то таких данных о численности интеллигенции у статистики того периода нет, поскольку в ее инструментарии не было такого понятия. Была социальная категория «служащие», которыми считались все «работающие за заработную плату и не занимающиеся физическим трудом». Интеллигенцией же в тот период считались квалифицированные специалисты-профессионалы и руководящие административные работники, (хотя последних в большей части можно было относить к этой страте условно, поскольку далеко не все они имели достаточно высокий уровень образования). Перепись городского населения 1923 г. показала, что в городах Туркестана проживало 12,5 тыс. квалифицированных специалистов-профессионалов, работавших на службе у советского государства (4,4 % городского самостоятельного населения). Но почти половина из них работала в административном аппарате и судебных органах, 32 % – были работники народного образования, 8,3 % занимались культурно-просветительской деятельностью, около 6 % обладали творческими профессиями и только 1405 человек (11 %) работали на производстве и в медицинских учреждениях.⁶⁵

Незначительность числа знающих и образованных людей, находившихся на службе у советского государства, обуславливала необходимость быстрого решения задачи формирования «рабоче-дехканской» интеллигенции, причем на строго классовой основе. Одним из путей ее реализации стало «выдвиженчество», когда на руководящую партийную, советскую, хозяйственную работу во всех сферах народного хозяйства и культуры «выдвигались» наиболее активные и революционно настроенные рабочие и крестьяне, не имевшие не только профессионального, но очень часто и прочного начального образования.

«Выдвиженчество» не могло решить проблему формирования из рабочих и дехкан образованных профессионалов, необходимых государству. Подготовить такие кадры можно было только через высшие и средние специальные учебные заведения. Но и в этот процесс пролетарское государство внесло революционную анархию и жесткие классовые принципы. В этот период была создана совершенно новая в мировой практике высшего образования форма обучения – рабочие факультеты (рабфаки), как промежуточное звено вузовского учебного процесса. Они явились специфическим революционным методом формирования советской интеллигенции. Кроме того, коренным образом менялся социальный принцип формирования студенческих коллективов и профессорско-преподавательского состава.

В целом процесс создания новой социальной структуры общества в начале 20-х годов XX в. носил ярко выраженную классовую направленность. Советская власть беспощадно подавляла и уничтожала социальные страты, не вписывающиеся в ее идеологическую доктрину, одновременно пытаясь формировать свою новую социальную структуру. Но в силу политических и экономических трудностей этот процесс шел медленно и сложно.

⁶⁵ Классовый и профессиональный состав городского населения ТАССР. ... – С. 52-56

В четвертой главе «Изменения в социальном составе населения Узбекистана на фоне монополизации советской властью экономики страны» анализируется трансформация структуры общества, которая проходила во второй половине 20-х годов XX в. в Узбекистане под воздействием практики социалистического строительства.

Борясь за монополизацию экономики страны, большевистская партия, прежде всего, стремилась обеспечить укрепление и рост рабочего класса, состав которого был по-прежнему очень слабым. Почти половина рабочих была занята в частном секторе, а их организованная часть – фабрично-заводские и железнодорожные рабочие составляла всего 19 % в составе занятого населения республики. Причем рабочих коренных национальностей в их числе было около 30 %, а на железнодорожном транспорте, где нужна была высокая квалификация, только 10,2 %⁶⁶.

Слабым звеном в процессе формирования промышленных рабочих в Узбекистане была внутриотраслевая структура. Их основная масса была занята в отраслях легкой промышленности, где не требовалась в то время высокая квалификация. В 1928 г. в них было занято 72,4 % всех рабочих ценовых предприятий, в то же время в металлообрабатывающей промышленности было занято только 5,8 % рабочих, электроэнергетике – 2,2 %⁶⁷, и как следствие, общий уровень квалификации рабочих Узбекистана был довольно низким. В 1928 г. в фабрично-заводской ценовой промышленности квалифицированные рабочие составляли 46,8 %, полуквалифицированные – 17,6 %, остальные были чернорабочими⁶⁸. Кроме того, в этот период остро стояла проблема создания кадров промышленных рабочих из коренных национальностей. Темпы их роста в целом по республике были значительно ниже темпов роста общего числа рабочих. В 1928 г. в государственной фабрично-заводской промышленности рабочие узбеки составляли 30,7 %⁶⁹, а их удельный вес по сравнению с 1926 г. вырос всего на 1,5 %.

Поэтому во второй половине 20-х годов остро встал вопрос об источниках пополнения рабочих местных национальностей из кустарей, ремесленников, дежкан, женщин. Но подготовка промышленных рабочих вообще, и высокой квалификации особенно, внутри республики требовала больших материальных затрат и длительного времени. Их у государства не было и практика приглашения в республику готовых специалистов из промышленно развитых районов страны, начатая в начале 20-х годов, стала принимать массовый характер. Развитию массовой миграции рабочих в Узбекистан способствовали еще и имперские позиции европейцев, работавших в партийных и хозяйственных органах республики, которые считали, что коренное население региона, традиционно занимавшееся земледелием и скотоводством, не способно к индустриальному труду и экономически выгоднее создавать крупную промышленность, используя приезжих рабочих. Кроме того, исходя из того, что стержнем национальной политики партии была интернационализация состава рабочего класса, советские органы власти, создавая социальную базу диктатуры пролетариата в национальных республиках, делали упор на формирование в них многонациональных рабочих коллективов, что также всемерно поощряло активную миграцию. Но приток населения в промышленные центры республики, решая проблему рабочих кадров, создавал в них сложную социальную ситуацию – резко выросли цены на промышленные и продовольственные товары, возникли трудности со снабжением продуктами, обеспечением жильем, обострилась проблема безработицы. Если в 1926 г. в городах республики было зарегистрировано 15,3

⁶⁶ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XXXII. ... – С. 2-3.

⁶⁷ Бюллетень ЦСУ УзССР. – Ташкент, 1928. – № 20. – С. 11.

⁶⁸ Бюллетень ЦСУ Уз ССР. – Ташкент, 1930. – № 24. – С. 18.

⁶⁹ Два года социалистического строительства в Узбекистане. Отчет правительства УзССР IV съезду советов. – Ташкент, 1931. – С. 5.

тыс. безработных, то 1 января 1930 г. – 54,4 тыс.⁷⁰

Советская власть, в начале 20-х годов XX в. с целью активизации восстановительного процесса легитимизировала частный капитал в промышленном производстве и торговле. Но во второй половине 20-х годов начинается активное наступление на его владельцев. К середине 20-х годов жесткими экономическими и административными мерами было доведено до минимума участие частного капитала в крупной цензовой промышленности. Если переписью городского населения Туркестана в 1923 г. было зафиксировано 20 крупных предпринимателей⁷¹, то по данным всеобщей переписи населения 1926 г. их число сократилось до 7⁷². Сокращалась и их доля в общем объеме промышленной продукции республики. В 1925 г. стоимость продукции, производимой частными предприятиями цензовой промышленности, составляла 0,9 %, в 1926 г. – уже 0,8 %⁷³.

Во второй половине 20-х годов советская власть начинает активное наступление и на мелкую буржуазию, в которую входили «хозяева, не использующие наемный труд и работающие только с помогающими членами семьи» или «хозяева одиночки». Это были мелкие и средние собственники, которым большевики, введя в 1921 г. НЭП, разрешили активизировать свою деятельность. В результате к 1926 г. их численность, по сравнению с 1923 г., увеличилась на 53,5 тыс. и достигла 195,5 тыс. человек, а удельный вес в составе городского самостоятельного населения вырос почти на 5 % и составил 51 %.⁷⁴

В составе мелких и средних собственников в середине 20-х годов наиболее многочисленной была страта кустарей и ремесленников. В 1926 г. вместе с помогающими членами семьи они насчитывали 68,5 тыс. человек. По сравнению с 1923 г. их удельный вес в составе городского населения вырос с 13 % до 18 %⁷⁵. Все эти годы они практически полностью снабжали население республики товарами широкого потребления и продуктами, которые имели высокую конъюнктуру спроса, и их производство располагало всеми данными для дальнейшего развития. Компартия Узбекистана, признавала положительную роль этой страты товаропроизводителей в насыщении внутреннего рынка и в смягчении проблемы свободных рук в условиях растущей безработицы, но отвергала даже саму идею возможности развития их промыслов как дополнения к государственной промышленности. В решениях ее III съезда было записано, что государство допускает развитие только тех отраслей ремесленно-кустарного производства, товары которых не будут конкурировать с государственной промышленностью, иначе им грозит «разрушение» и «поглощение»⁷⁶. Но поскольку в Узбекистане ускоренными темпами развивались именно те отрасли промышленности, в которых было занято подавляющее большинство местных кустарей и ремесленников, то это означало для них перспективу полного разрушения промыслов, что собственно и произошло к концу 30-х годов.

Политика советской власти была направлена «на вытеснение труда кустаря трудом пролетария» через его кооперирование, «как основного рычага переделки кустаря». Изживая из общества эту страту, государство разрушало издревле процветавшие в регионе промыслы, хорошо налаженную форму производственной деятельности местного населения. А поскольку все его меры были направлены, прежде всего, против более обеспеченной, более опытной и хорошо работающей части этой страты, эти потери были наиболее ощутимы. Государственный же прессинг на активно работающих кустарей и ремесленников во второй половине 20-х годов постоянно нарастал: с них брали более

⁷⁰ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XXXII. ... – С. 194; ЦГА РУз, ф. 97, оп. 1. д. 270. л. 7.

⁷¹ Классовый и профессиональный состав городского населения ТССР. ... – С. 57.

⁷² Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XXXII. ... – С. 3.

⁷³ Основные черты народного хозяйства Средней Азии в 1926/1927 г. Вып. 1. – Ташкент, 1928. – С. 22.

⁷⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XXXII. ... – С. 2. (подсчеты диссертанта).

⁷⁵ Там же. – С. 88-89, 2-3.

⁷⁶ Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях. Т. I. – Ташкент, 1987. – С. 241, 358.

высокий промысловый и подоходный налоги, отказывали в получении сырья и кредитов, не принимали в кооперативы и члены профсоюзов, развитие государственной промышленности суживало сферу их деятельности. Шло целенаправленное уничтожение слоя самостоятельных производителей.

Другой сферой деятельности мелкой буржуазии в Узбекистане, в которой также была занята довольно значительная ее часть, являлась торговля. В 1926 г. частной торговлей было занято 29 тыс. человек. Большая часть из них – 23,8 тыс. или 82 % – проживала в городах. По сравнению с 1923 г., число городских торговцев в целом выросло незначительно – всего на 1800 человек, а их удельный вес в составе городского занятого населения даже уменьшился с 7 % до 6 %, причем в основном за счет торговцев, занятых в оптовой торговле⁷⁷. Но в мелкой розничной торговле в середине 20-х годов позиции частных торговцев были еще достаточно прочные. Они сохраняли их благодаря большой маневренности своих капиталов, умению работать более экономно и хорошо обслуживать покупателей. Обследование состояния торговли в городах республики, проведенное ЦСУ Уз ССР в 1927 г., показало, что 2/3 промышленных товаров и 82,5 % продуктов питания городское население приобретало у частных⁷⁸.

Государство рассматривало эту ситуацию в торговле как недопустимую дискредитацию советской власти и как реальную опасность со стороны враждебных социализму частнокапиталистических элементов, с которыми надо усиленно бороться. С частными торговцами из мелкой буржуазии оно боролось также беспощадно и теми же мерами, как и с владельцами промышленных предприятий, больших магазинов, кустарями, ремесленниками.

Совсем иным в середине 20-х годов было положение самой многочисленной страты независимых товаропроизводителей – дехкан. Они насчитывали 1 млн. 679 тыс. человек и составляли 91,6 % среди занятой части сельского населения⁷⁹. Если городских собственников советская власть активно вытесняла из экономического и социального пространства строящегося социалистического общества, то жизнь дехкан в этот период оставалась практически без перемен. Об этом свидетельствовали материалы комиссии Средазбюро ЦК ВКП(б), обследовавшей в 1925 г. социально-экономическое положение кишлаков Средней Азии. В них говорилось, что «позиции советской власти в кишлаке очень слабые, а старые традиции имеют очень крепкие корни в сознании дехкан и в их внутри социальных отношениях», что «старые земельные отношения, регламентируемые шариатом и адатом, остались почти не тронутыми, как по форме, так и по содержанию», поскольку «революция не успела еще основательно раскачать и разрушить, выношенный столетиями социальный уклад кишлака», а «консервативное сознание узбекского дехкана до сих пор не осознало, что новая власть призвана представлять и защищать его интересы»⁸⁰. Комиссия, состоящая из опытных партийных работников, тщательно проанализировав экономическое положение и социальные отношения в узбекском кишлаке, пришла к выводу, что «подходить к ломке старого кишлака надо сугубо осторожно, умеючи рассчитывая широкие достижения на многие годы».

Однако советское правительство имело в этом вопросе свое особое мнение. Оно было твердо убеждено в необходимости как можно быстрее ликвидировать мелкотоварный уклад в сельском хозяйстве, но до середины 20-х годов не могло начать активно внедрять в узбекском кишлаке социалистические производственные отношения, не решив до конца назревшие проблемы землеустройства, главной из которых была ликвидация полярных групп землевладельцев. Эту задачу решала земельно-водная реформа 1925–1927 гг. Она практически полностью ликвидировала безземельные

⁷⁷ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XXXII. ... – С. 2. (подсчеты диссертанта).

⁷⁸ Бюллетень ЦСУ УзССР. – Ташкент, 1928. – № 20. – С. 23, 27.

⁷⁹ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XXXII. ... – С. 2.

⁸⁰ Современный кишлак Средней Азии. Вып. III. Китабская волость. ... – С. 94, 3. 56, 93, 22.

хозяйства и значительно укрепила середняцкие, удельный вес которых вырос до 58,7 %. Но осталась нерешенной проблема наделения землей малоземельных дехкан, о чем свидетельствовал их значительный удельный вес в структуре кишлака – 36,7 %, уменьшившийся всего на 2,6 %⁸¹.

Реформа дала дехканам единоличникам возможность активно хозяйствовать на своей земле, усилила тенденции увеличения числа крепких хозяйств, открыла простор для широкого развития кооперации на добровольных началах. Перед ними открывался реальный путь успешного развития в рамках социалистического государства на условиях добровольного сотрудничества.

Во второй половине 20-х годов ужесточается борьба компартии и советской власти на идеологическом фронте за единомыслие всех слоев населения, за полное подчинение творческой мысли одной официальной идеологии. И, прежде всего, эта борьба была направлена против национальной интеллигенции, которую они считали носителем буржуазной идеологии, а также против мусульманского духовенства, религии и всех верующих. В главе на конкретных примерах показывается, как эта борьба принимала все более репрессивный воинствующий характер, завершившись в конце 20-х – начале 30-х годов арестами и судебными процессами.

Уничтожая национальную интеллигенцию, советское государство во второй половине 20-х годов продолжало формирование новой советской интеллигенции, которая в 1926 г. была малочисленна (составляла всего 0,7 % всего занятого населения), испытывала острый дефицит в квалифицированных специалистах (47,5 % в ее составе были руководящие административные работники) и особенно из коренного населения⁸².

Создавались кадры специалистов новой формации через систему высшего и среднего образования, одновременно с этим решалась задача коренного изменения классового предназначения и социального облика студентов и преподавателей. Вузовский процесс в этот период становится полигоном самых разнообразных экспериментов, не имеющих аналогов в мировой истории высшей школы. По инициативе студентов был изменен порядок оценки их знаний, были отменены лекционные и лабораторные занятия, зачетные сессии, написание и защита дипломных работ, сокращались учебные программы за счет «ненужных» с точки зрения студентов предметов и др. Все эти эксперименты крайне отрицательно сказывались на качестве знаний подготавливаемых специалистов, число которых в силу целого ряда объективных и субъективных причин росло очень медленно. Так в 1925 г. САГУ выпустило 149 специалистов, в 1927 г. – 261, 1928 г. – 250, 1929 г. – 398.⁸³ Как путь пополнения советской интеллигенции, работающей в административном аппарате, продолжало действовать «выдвиженчество». Большинство «выдвиженцев», как и в начале 20-х годов, имело очень низкий уровень образования, они «создавали иллюзию решения проблемы, а на деле приводили к разжижению интеллигенции малоквалифицированными людьми»⁸⁴. В целом выпускники вузов и техникумов, руководители из выдвиженцев постепенно увеличивали число советской интеллигенции, но ее качественный уровень был очень низким.

Таким образом, во второй половине 20-х годов в соотношении социальных сил в республике в результате осуществления политики, направленной на монополизацию советской властью экономики страны происходили серьезные изменения. Новые социальные страты рабочих и интеллигенции были еще малочисленны и слабы и не занимали лидирующего положения в обществе, а социальные страты мелких товаропроизводителей, которые несколько укрепились в результате введения НЭПа, подвергались массированному государственному прессингу, как частнособственнические

⁸¹ Земельный вопрос в Узбекистане. Материалы ко 2-му курултаю... – С. 29, 32.

⁸² Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XXXII. ... – С. 73-78.

⁸³ ГА г.Ташкента, ф. 38, оп. 1, д. 263. л. 10-12.

⁸⁴ Алимова Д.А. История как история, история как наука. Т. I. – Ташкент, 2008. – С. 228.

элементы, не вписывающиеся в партийную концепцию новой структуры социалистического общества.

В пятой главе «Социальная структура общества в Узбекистане после декларации о победе социализма в СССР» рассматривается завершающий этап борьбы советской власти за утверждение единого социалистического уклада, построение новой структуры общества и подводятся итоги этой борьбы к концу 30-х годов XX в. Отмечается, что интенсивная реализация политики большевистской партии по монополизации экономики страны обеспечила к концу 20-х годов практически полное утверждение социалистического уклада в промышленности. Дальнейшее развитие этого процесса в других сферах приходило в противоречие с практикой свободных рыночных отношений. Поэтому, широко используя командно-административные методы, государство усиливает свою регулируемую роль во всех отраслях народного хозяйства, приступает к ликвидации основных принципов новой экономической политики. Провозглашение в начале 30-х годов нового этапа строительства социалистического общества – этапа «развернутого наступления социализма по всему фронту» знаменовало переход к полному вытеснению из экономического пространства страны частнособственнических элементов – продуктивно действующих, самостоятельно хозяйствующих субъектов.

Самыми быстрыми темпами вытеснялись частники из торговли, где у государства было больше возможностей осуществлять ее контроль и регулирование. В результате карательных финансовых и административных мер к началу 1932 г. частная торговля в Узбекистане составляла уже только 0,3 % от общего товарооборота⁸⁵. Принятое в марте этого же года постановление ЦИК и СНК СССР официально запретило частную торговлю. Стационарная сеть частных магазинов прекратила свое существование, а частные торговцы как социальная страта исчезли из структуры общества.

В начале 30-х годов государство продолжало активно бороться с кустарями и ремесленниками. Оно насильно загоняло их в кооперативы, сокращало пространство их деятельности строительством швейных, текстильных, кожевенных предприятий. Постепенно разоряясь, кустари и ремесленники уходили в кишлаки или поступали чернорабочими на промышленные предприятия в невыгодные для них условия труда. К концу 30-х годов в республике осталось всего 33,3 тыс. (или 1,2 % самодеятельного населения)⁸⁶ этих свободных производителей. Это означало, что как самостоятельная страта они практически прекратили существование.

В начале 30-х годов в городах республики исчезло как самостоятельная социальная страта мусульманское духовенство, для которого отправление религиозных культов было источником средств существования. Но полная «атеизация» страны не была достигнута. В процессе проведения всесоюзной переписи 1937 г. 57 % населения страны записали себя верующими. По имеющимся материалам этой переписи, в СССР на 6 января 1937 г. их было 55 млн. 277,5 тыс., в том числе – 8 млн. 265,5 тыс. верующих мусульман. Причем, если среди православных процент верующих по возрастным группам увеличивался от младших к старшим, то среди мусульман он был равномерным по всем возрастам⁸⁷. Это означало, что воспитание в мусульманской семье, как и прежде, оставалось традиционно религиозным, несмотря ни на какие гонения.

В конце 20-х – начале 30-х годов в республике была также полностью уничтожена самая многочисленная страта самостоятельных хозяев – дехкан единоличников. Для ВКП(б) стало совершенно неприемлемым дальнейшее развитие сельского хозяйства на основе их укрепления, стойкая тенденция к которому появилась после земельно-водной

⁸⁵ Узбекистан за XV лет. Стат. сб. – Ташкент, 1939. – С. 67.

⁸⁶ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Узбекская ССР. ... – С. 112.

⁸⁷ Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 г. – М., 1996. – С. 100-102.

реформы 1925–1927 гг. Заявив, что мелкотоварное единоличное дехканское хозяйство исчерпало свои ресурсы и его дальнейшее развитие могут обеспечить только коллективные хозяйства, она начала сплошную коллективизацию сельского хозяйства, а затем и кампанию по «ликвидации кулачества как класса». Раскулачивали и ликвидировали оставшихся зажиточных баев, а в основном крепких середняков, составлявших в этот период прочную экономическую основу узбекского кишлака. Оставшиеся еще вне колхозов дехкане единоличники в начале 30-х годов находились под особенно сильным давлением государства. Помимо административного нажима, оно создавало для них через систему прогрессивного налогообложения такие экономические условия, при которых становилось просто невозможным их самостоятельное развитие. Все это практически загоняло единоличников в колхозы. К концу 1932 г. в Узбекистане коллективизацией было охвачено 81,7 % дехканских хозяйств и 68,1 % посевных площадей, к концу 1937 г. – 95 % хозяйств и 99,4 % посевных площадей⁸⁸. Дехкане – независимые производители, работающие на своей земле, прекратили свое существование как самостоятельная страта. Превращение в новый советский класс – колхозное крестьянство – поставило их в жестокую зависимость от государства, лишило политической и экономической свободы.

Завершая в 30-е годы XX в. разрушение старого общества, уничтожая социальные слои, являвшиеся носителями производственных навыков, культуры, традиций, духовных ценностей узбекского народа, советское государство всемерно укрепляло свои новые социальные страты, составляющие экономическую и интеллектуальную основу его социальной структуры – рабочих и интеллигенцию.

Индустриальные достижения второй половины 20-х – начала 30-х годов обусловили количественные и качественные изменения в составе рабочих. Само понятие «рабочий» стало более однородным, полностью исчезли наемные рабочие, занятые в частном секторе. По данным официальной статистики, в 1933 г. в республике было 424,9 тыс. рабочих⁸⁹ (но надо учитывать, что это были не только промышленные рабочие, а все кто был занят физическим трудом, то есть и дворники, сторожа, вахтеры, уборщицы и т.д.). Положительным явлением этого периода были высокие темпы роста числа промышленных рабочих в тяжелой промышленности. За годы первой пятилетки оно выросло в топливдобывающей и горнорудной отраслях в 8 раз, в металлообрабатывающей – в 6,5 раз⁹⁰. Но рабочие коренных национальностей в их числе составляли в 1933 г. среди квалифицированных рабочих в энергетической отрасли 32,6 %, нефтяной – 30 %, металлообрабатывающей – 11,9 %, а среди неквалифицированных в тех же отраслях соответственно 54 %, 55 %, 64 %⁹¹. Отличительной чертой процесса формирования промышленных рабочих в Узбекистане в эти годы была их активная консолидация. Большие рабочие коллективы становятся характерными не только для предприятий тяжелой промышленности, но и легкой. Но существовал ряд серьезных трудностей и, прежде всего, очень сложной по-прежнему оставалась проблема пополнения рабочих кадров, которая в значительной степени, как и раньше, решалась за счет приезжих европейцев. Приток мигрантов обострял демографическую ситуацию в республике, так как рабочие приезжали вместе с семьями, численность которых была намного больше, чем самих рабочих. Например, на строительство Ташкентского текстильного комбината в 1933 г. вместе с 864 рабочими прибыло 2414 членов их семей⁹². Их приезд обусловил совершенно нежелательный рост несамостоятельной части населения республики. Но в целом формально процесс формирования рабочего класса

⁸⁸ Узбекистан за XV лет. ... – С. 49.

⁸⁹ Узбекистан за XV лет. ... – С. 71.

⁹⁰ ЦГА РУз, ф. Р-1619, оп. 12, д. 179, л. 72.

⁹¹ Материалы к отчету ЦК КП(б) Уз к VI парткурултаю. – Ташкент, 1934. – С. 15. 16.

⁹² ГА г.Ташкента, ф. 231, оп. 1, д. 123, л. 104.

имел вполне позитивную тенденцию.

Параллельно с укреплением советского рабочего класса в 30-е годы в Узбекистане активно продвигался и процесс увеличения и расширения состава советской интеллигенции. Для осуществления курса на форсирование темпов строительства социализма нужны были многотысячные кадры специалистов во всех сферах народного хозяйства, науки, культуры. Решалась эта задача в очень сложных политических условиях. В стране шел активный «поиск врагов» и власти в первую очередь искали их среди думающей части населения – интеллигенции, причем не только творческой, но и административной. Была репрессирована элита национальной культуры, известные поэты, прозаики, журналисты, деятели науки, разгромлена национальная историческая школа, погибли как «враги народа» нового общества крупные партийные и советские работники, отдавшие свой талант организаторов делу строительства этого общества.

Но, несмотря на колоссальный ущерб, нанесенный национальной интеллигенции, и финансовые трудности из-за широкомасштабного индустриального строительства, процесс ее роста и укрепления в Узбекистане в 30-е годы заметно набирал силы. Постановление ЦИК и СНК СССР от 19 сентября 1932 г. «Об учебной программе и режиме в высшей школе» отменило все экспериментальные нововведения 20-х годов и ввело снова лекционную систему обучения, зачетные сессии, защиты дипломных работ, вступительные экзамены. В середине 30-х годов в Узбекистане функционировало 22 вуза с 11 тыс. студентами и 73 техникума с 14 тыс. учащимися⁹³. В декабре 1935 г. было принято решение о снятии ограничений, связанных с социальным прошлым, для поступающих в вузы и техникумы, в результате чего начинает сокращаться сеть рабфаков. В конце 30-х годов они были упразднены. Вузовский учебный процесс вошел в цивилизованное русло, хотя в нем еще оставалось множество трудно решаемых проблем. Расширяется в этот период и внутренняя структура интеллигенции республики. Причем процесс становления ее творческой части проходил в условиях насильственного утверждения метода «социалистического реализма», что неизбежно влекло подавление в национальной культуре ее самобытных начал.

В заключающем главу параграфе подводятся итоги социального конструирования компартией и советской властью социалистического общества к концу 30-х годов XX в., когда вместо старого общества с многообразным социальным составом, отражающим многоукладность его экономики и традиционные виды занятий коренного населения региона, было искусственно, насильственными методами сконструировано новое с единым социалистическим экономическим укладом.

Как показала всесоюзная перепись населения 1939 г. советское общество к этому времени состояло из полностью зависимых от государства и легко им управляемых классов – рабочих, крестьян-колхозников и интеллигенции, которая официально именовалась прослойкой, так как, согласно марксистской классовой теории, не была связана с основным признаком класса – средствами производства. В Узбекистане все они составляли 94,8 % всего населения, в том числе: рабочие – 19,3 %, служащие – 12,9 %, крестьяне-колхозники – 62,6 %. Кроме того, были еще кооперированные кустари – 2,3 %, некооперированные кустари – 1,7 % и дехкане единоличники – 1,2 %⁹⁴.

К 1939 г. население республики по сравнению с 1926 г. выросло на 1 млн. 600 тыс. человек, но при этом надо учесть, что из них 650 тыс. были приезжие из центральных районов страны. Они внесли нежелательные изменения в национальный состав Узбекистана – удельный вес титульной нации за этот период уменьшился с 65,1 % до 64,4 %, а европейцев – увеличился с 6,4 % до 15 %⁹⁵, и обусловили высокий прирост

⁹³ Краткий статистический справочник Уз ССР. – Ташкент, 1936. – С. 16.

⁹⁴ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Узбекская ССР. ... – С. 43, 112.

⁹⁵ Узбекистан. Экономико-географическая характеристика. – Ташкент, 1950. – С. 66, 74.

городского населения. В абсолютных цифрах оно выросло на 45 %, но его удельный вес вырос только на 1 % – с 22 % до 23 %, тогда как в РСФСР он вырос с 18 % до 33 %, Туркмении – с 14 % до 33 %, Армении – с 19 % до 29 %⁹⁶. Это означало, что в республике шла не урбанизация, а реурбанизация, то есть городское население росло в основном за счет внутренних ресурсов (естественного прироста и мигрантов) и совсем незначительно увеличивалось за счет сельского населения.

Анализ трансформации социальной стратификации общества в Узбекистане показывает, что к концу 30-х годов в нем были полностью изжиты эксплуататорские элементы (лица, использующие наемный труд) и практически прекратили свою деятельность мелкие товаропроизводители (самостоятельно работающие кустари и ремесленники) и торговцы в городах. Что же касается мелких товаропроизводителей в кишлаках, то их социальный статус был коренным образом преобразован из дехкан единоличников в дехкан колхозников. Но полная однородность общества все же не была достигнута – 2,9 % населения находилась вне государственных структур и пыталась сохранить свою независимость, занимаясь сельским хозяйством (1,2 % или 76031 дехкан единоличников и члены их семей) и ремесленно-кустарными промыслами (1,7 % или 107710 некооперированных кустарей с семьями).

Большие изменения произошли в количественном и качественном составе новых социальных структур общества. Все рабочие республики были заняты в одном государственном секторе. Их численность выросла в 4 раза, более чем в 3 раза увеличился их удельный вес в составе занятого населения, число промышленных рабочих увеличилось в 11,5 раз, их удельный вес вырос в 10 раз, но удельный вес рабочих коренных национальностей не показал таких высоких темпов роста и составил к 1939 г. всего 36,7 %.

В 24 раза выросло число женщин, работающих в промышленности, расширился диапазон применения их труда – они стали работать и в тяжелых формах производства, что советской пропагандой преподносилось как «завоевание социализма в борьбе за женское равноправие», а по общечеловеческим законам и медицинским показаниям было грубым нарушением общепринятых норм.

Но в конце 30-х годов, несмотря на численный рост, четко прослеживается тенденция ослабления положения рабочего класса как силы, влияющей на политическую жизнь общества. Рост и укрепление партийной номенклатуры привели к уменьшению удельного веса рабочих с производства в рядах правящей партии. К 1939 г., по сравнению с 1926 г., он понизился с 31,6 % до 12,5 %, а служащих, наоборот, вырос с 25,9 % до 54,2 %⁹⁷.

Победа социализма не принесла равенства в социальном положении рабочих в советском государстве. Несмотря на то, что все они к концу 30-х годов были заняты в едином государственном секторе экономики, их материальное, бытовое, общественное положение было различным и сильно зависело от квалификации, занятости в различных отраслях промышленности, общественной и производственной активности. Причем рабочие из коренного населения находились в самом низу этой социальной лестницы.

Не было достигнуто социальное единство в новом классе колхозного крестьянства. Внутри его действительно исчезли группы, социальный статус которых базировался на частной собственности на средства производства. Но ожидаемой социальной однородности дехкане так и не получили. Очень скоро в колхозах начала складываться новая социальная элита в лице председателей колхозов, секретарей партийных ячеек, бригадиров, заведующих участками, звеньевых, учетчиков, счетоводов. Их общественное и материальное положение быстро начало отличаться от положения рядовых колхозников.

⁹⁶ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Сводный том. – М., 1963. – С. 13.

⁹⁷ Коммунистическая партия Туркестана и Узбекистана в цифрах. Стат. сб. – Ташкент, 1968. – С. 25, 61.

Не получил этот класс и равного социального положения в государстве. Труд дехканина-колхозника, несмотря на большие физические затраты, оплачивался гораздо ниже, чем труд рабочих и интеллигенции.

К 1939 г. в Узбекистане количественно и особенно качественно вырос ее интеллектуальный потенциал – интеллигенция. Это была совершенно новая социальная страта, сформированная в советское время на новой классовой и идеологической основе, соответствующая идеям и принципам социалистического строительства. Ее число по сравнению с 1926 г. выросло в 6,3 раза и составило в 1939 г. 108 тыс. человек. Определенные успехи были достигнуты в формировании национальной интеллигенции. В 1939 г. в составе интеллигенции было 44 % узбеков. Больше всего их было среди работников просвещения и здравоохранения – 63 %, в числе художественной интеллигенции они составляли 58 %, технической – 15 %, научной – 10 %⁹⁸.

Особое положение в советском государстве занимала административная интеллигенция. Образовательный уровень большей части работников руководящего аппарата республики и в 1939 г. все еще оставался низким – на каждую тысячу руководителей органов государственного управления только 356 человек имели высшее или среднее образование (включая неполное среднее), у руководителей предприятий (промышленных, строительных, транспортных, связи) этот показатель был еще ниже – 175 человек, а среди председателей колхозов вообще только 17 человек из тысячи имели профессиональную подготовку⁹⁹. Единственным достижением в формировании административного аппарата к 1939 г. было то, что доля узбеков в нем составляла 70 %, но только 19 % из них имели высшее или среднее образование¹⁰⁰. Из этого руководящего административного аппарата в конце 30-х годов окончательно формируется практически новая социально-политическая страта в советском обществе – партийно-советская номенклатура, которую еще в 40-50-х годах западные ученые называли «новым советским правящим классом»¹⁰¹, «господствующим классом нового типа»¹⁰².

Таким образом, новое общество, декларируемое как «общество победившего социализма» в Узбекистане по своей сути не отвечало этим заявлениям пропагандистского партийного аппарата. Оно не было ни социально едино, ни поголовно грамотно (21,3 % населения республики в 1939 г. было неграмотно, в том числе в сельской местности неграмотными были 25,9 %); ни поголовно атеизировано; ни социально однородно (внутри каждого советского класса имелось большое разнообразие профессий с различной оплатой труда, а также активно создавалась своя привилегированная элита из администрации, общественного актива, передовиков производства). Главенствующая роль в нем принадлежала к этому времени уже не рабочему классу, а новому советскому правящему классу – бюрократической партийной номенклатуре.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стратификационный концептуально-методологический подход к изучению социальной структуры общества обусловил возможность рассмотреть ее в настоящей диссертационной работе, как динамично меняющуюся категорию, многообразную совокупность различных взаимосвязанных между собой социальных страт, определить место и роль каждой из них в обществе, выявить факторы, воздействующие на динамику

⁹⁸ Арутюнян Ю.В. Изменение социальной структуры советских наций // История СССР. – М., 1972. – № 4. – С. 10-11.

⁹⁹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. ... – С. 133-137.

¹⁰⁰ Арутюнян Ю.В. Изменение социальной структуры советских наций... – С. 10-11.

¹⁰¹ Rywkin M. Russia in Central Asia. ... – P. 104.

¹⁰² Burnham J. The managerial revolution: What is happening in the world. – New York. 1941.

их развития на различных исторических этапах, и тем самым впервые в отечественной историографии попытаться преодолеть односторонний узкоклассовый подход советских историков к исследованию этой проблемы.

Анализ развития социальной стратификации общества на территории Узбекистана в период с конца XIX в. до конца 30-х годов XX в. с новых позиций показал, что за этот сравнительно небольшой исторический срок она дважды подверглась серьезным трансформациям, которые не являлись итогом естественного развития общества, а были произведены сверху после военных действий царского правительства в Средней Азии во второй половине XIX в. и большевистского переворота в октябре 1917 г.

Агрессивные акции Российской империи в Среднеазиатском регионе завершились образованием Туркестанского генерал-губернаторства, внесли серьезные изменения в политический статус, экономическое положение и социальные отношения его коренного населения. Они превратили богатый край в колонию, трансформировали социальную стратификацию его общества.

Образование Туркестанского генерал-губернаторства повлекло за собой появление в составе его общества, не известных ранее местному населению, социальных страт европейцев – чиновников колониальной администрации, военнотружеников российской армии, служащих банков и фирм, русской интеллигенции, христианского духовенства, крестьян-переселенцев. Промышленное и железнодорожное строительство, широкомасштабные торговые и финансовые операции, новая социальная ситуация, обусловили формирование в среде коренного населения новых для него страт торгово-промышленной буржуазии и промышленных рабочих.

Завоевание внесло изменения в сферы приложения труда и профессиональный состав традиционных для местного общества социальных страт – дехкан, ремесленников, кустарей, торговцев, интеллигенции.

Анализ экономической и социальной ситуации в Туркестанском генерал-губернаторстве в начале XX в. показал, что развитие производительных сил, товарно-денежных отношений, разрушение хозяйственной замкнутости, утрата сословного деления и связанных с ним привилегий, обусловленные включением края в состав России, создали благоприятные условия для успешной деятельности самостоятельно хозяйствующих субъектов, каковыми являлись владельцы различной по форме и размерам собственности. Они составляли специфический слой общества – слой собственников, в который входили самые различные по видам занятий социальные страты являющиеся основой экономики общества с рыночными отношениями. Находясь в тесной взаимосвязи и взаимозависимости, каждая из них занимала прочную нишу в общественном разделении труда, а вместе они составляли внушительную экономическую и социальную силу. Заинтересованные в благоприятных условиях для своей деятельности, они являлись гарантами стабильности общества в целом. Именно этот дееспособный слой, разрушенный советской властью в 20-30-е годы XX в., восстанавливается в современных условиях независимого Узбекистана.

Говоря о трансформациях, которые претерпела социальная стратификация общества коренного населения, вошедшего в состав Российской империи, надо отметить, что они не затронули издревле характерные для него традиции общественной жизни, миролюбивые и доброжелательные внутренние социальные отношения, его ментальность.

Захватив власть, большевики начали строить новое общество, уничтожая традиционные социальные страты, не вписывающиеся в их идеологическую доктрину. Во второй раз за период чуть более полувека социальная стратификация общества коренного населения на территории Узбекистана подверглась изменениям сверху, причем в этот раз они претворялись в жизнь административными силовыми методами на жесткой классовой основе.

Опираясь на силу государственной машины, советская власть в 20-30-е годы XX в.

целенаправленно и последовательно проводила на территории Узбекистана политику по деформации общественного сознания, разрушению самобытности и культуры, устоявшегося жизненного уклада коренного населения. Ее социальная политика в эти годы была направлена на реструктуризацию старого социального пространства, уничтожение собственников, в которых она видела только своих потенциальных врагов, тогда как они вполне могли бы стать опорой ее благосостояния, экономическим гарантом стабильности. Государство практически боролось с основной массой своего дееспособного населения. Оно не смогло оценить позитивные устремления активно хозяйствующих страт, увидеть богатый потенциал их трудовых ресурсов и направить его в нужное русло. Тогда как для 20-30-х годов XX в. вполне допустимой была ситуация, при которой ремесленно-кустарное производство и частная торговля заняли бы свою нишу в экономике республики и, наладив производство и снабжение населения необходимыми товарами и продуктами, отвечающими их бытовым и национальным традициям, позволили бы советской власти сосредоточить свои усилия на организации крупной промышленности и государственной системы торговли. Но такой путь был ею отвергнут, и тем самым была упущена реальная возможность обеспечить сильные стартовые позиции для строительства социалистического общества.

Стремясь как можно быстрее добиться поставленной цели, компартия проводила политику монополизации экономики, разрушая рыночные отношения, всеми мерами искореня частную собственность и уничтожая тем самым связанные с ней социальные страты. В Узбекистане это осуществлялось посредством принудительного кооперирования кустарей и ремесленников, интенсивного вытеснения частников из торговли, муниципализации городской недвижимости, систематически ужесточавшегося налогового прессинга, дискриминационной кредитно-финансовой политики, за несколько лет насильственно преобразовала дехкан-единоличников в новую советскую страту – «класс колхозного крестьянства». Ценой огромных потерь была уничтожена старая структура кишлака, разрушен его традиционный образ жизни, внесен разлад в некогда единые социальные взаимоотношения. Оставаясь тружеником, дехканин перестал быть хозяином земли, на которой он работал.

В 20-30-е годы XX в. тем же гонениям, что и традиционные страты в производственной, аграрной и торговой сферах, подвергались национальная интеллигенция и мусульманское духовенство, являвшиеся духовной и нравственной опорой населения региона. Советская власть, нуждаясь в знаниях национальной интеллигенции, которая стала работать в советских учреждениях, в то же время держала ее под своим строгим идеологическим контролем, не допуская даже слабого намека на свободомыслие. Все его проявления со стороны ее передовых представителей жестоко пресекались шумными кампаниями «чисток», показательными судебными процессами, арестами, а затем и открытыми репрессиями, которые в итоге привели к уничтожению этой важной и нужной местному обществу интеллектуальной элиты.

Затратив огромные усилия на проведение кампании «воинствующего атеизма», ВКП(б) добилась того, что к концу 30-х годов официально исчезло из социальной жизни общества мусульманское духовенство, хотя это и не означало, что местное население перестало быть верующим.

Декларируемые советской властью принципы социального равенства и справедливости на практике обернулись кардинальной трансформацией традиционной профессиональной структуры старого общества, ликвидацией издревле успешно функционировавших дееспособных социальных страт. В результате агрессивной социальной политики к концу 30-х годов XX в. из советского общества исчезли: частные торговцы, потомки знаменитых среднеазиатских купеческих фамилий и целый пласт населения, издревле занятый торговой деятельностью; ремесленники, представлявшие огромный социально-культурный слой общества со своей системой преемственности

профессиональных навыков, секретами традиционного мастерства и морально-этическими нормами; дехкане-единоличники с их умением трудиться и семейными морально-нравственными устоями; национальная интеллигенция и мусульманское духовенство, носители национальной культуры, традиций и духовно-нравственных основ народа.

Разрушение системы частного предпринимательства не было следствием превосходства социалистического экономического уклада. Наоборот, государственные структуры в производстве товаров широкого потребления, продуктов сельского хозяйства, организации торговли не были готовы решить эти вопросы на должном уровне, самостоятельные же производители мешали пропагандистскому аппарату внедрять в массовое сознание населения идею о преимуществах социалистической системы хозяйства. Массированное наступление на них в начале 30-х годов не было результатом созревших в обществе социально-экономических, а тем более социально-психологических предпосылок для перехода к качественному скачку в экономике и социальном конструировании. Но, несмотря на это, он был совершен, и добилась компартия этого исключительно принудительными волонтаристскими методами.

В ходе социалистического строительства и социального конструирования советской власти в 20-30-е годы претерпели серьезные изменения и новые социальные страты советского общества – рабочие и интеллигенция. Формирование национального отряда промышленных рабочих осуществлялось административными методами без учета специфики их быта, обычаев. Форсированное индустриальное развитие не привело к значительному росту числа промышленных рабочих из коренного населения, а наоборот, обусловило появление в начале 30-х годов тенденции к его уменьшению, когда в результате научно-технического прогресса в промышленном производстве началось активное вытеснение ручного труда, которым были заняты преимущественно рабочие коренных национальностей. Эти меры обусловили для Узбекистана, как суверенной республики, негативные демографические изменения в структуре его населения, поскольку проблемы улучшения квалификационного состава промышленных рабочих решались советской властью усиленной миграцией рабочих-европейцев, что привело в конечном итоге к сокращению в составе его населения титульной нации за счет увеличения числа приезжих. Кроме того, серьезными негативными медицинскими последствиями для здоровья женщин обернулось их активное привлечение по воле советских руководителей на работу в промышленность, особенно ее тяжелые отрасли, где применение женского труда было просто преступно.

Успешно, но сложно шло формирование советской интеллигенции. Однако, несмотря на огромные потери, которые она понесла в результате массовых репрессий в начале 30-х годов XX в., в этом процессе были достигнуты большие успехи. В республике была создана система высшего и среднего специального образования, разнопрофильные научно-исследовательские институты, появились национальные специалисты высшей квалификации, из которых впоследствии сформировались крупные ученые с мировым именем; для руководства развитием науки был образован Комитет наук – прообраз Академии наук Узбекистана; узбекская национальная литература обогатилась творчеством талантливых поэтов, писателей, драматургов; успешно развивались музыка, театр, кино, архитектура, изобразительное и прикладное искусство; были созданы творческие союзы художников, писателей, архитекторов, композиторов.

Но все эти достижения совершались в русле широкомасштабной политики культурной революции, на жесткой классовой, руссифицированной основе, под эгидой утверждения социалистической идеологии в качестве единой мировоззренческой системы всех граждан и метода социалистического реализма в литературе и искусстве. Административно-командная система все больше вмешивалась в творчество интеллигенции. В структуре новой интеллигенции быстро росло число административных работников, многие из которых были малограмотными выдвиженцами, что ухудшало ее

качественный состав.

В середине 30-х годов XX в. политическое руководство страны декларировало победу социализма и построение нового «равноправного, социально однородного социалистического общества», которое состояло из полностью зависимых от государства и легко им управляемых двух классов – рабочих и крестьян-колхозников и социальной прослойки – интеллигенции. Но это новое общество не было ни равноправным, ни социально однородным. Помимо новых социальных страт в нем еще оставалось 74 тысячи некооперированных кустарей, ремесленников и дехкан. Вместе с членами семей их было 183,7 тысяч человек, они составляли 2,9 % всего населения республики. В каждой уже советской социальной страте – классе, складывалась социальная неоднородность, так как образовывались группы, различающиеся по занимаемым должностям, уровню образования, профессиональной квалификации, общественной активности, что заметно сказывалось на их материальном положении. Это было вполне естественно, так как общество – это развивающийся организм и достичь однородности оно может только в условиях регресса.

Не было новое общество и равноправным. В начале 30-х годов XX в. в его социальной структуре начала формироваться новая социальная страта «партийной номенклатуры». Она состояла из политической элиты советского общества, наделенной большими властными полномочиями и привилегиями.

В целом в результате социального конструирования большевистского руководства страны, завершившегося к концу 30-х годов, общество Узбекистана потеряло активный слой средних собственников, социальное многообразие и самобытность, которые отражали ментальность его коренного населения, и было заключено в искусственно созданную схему, ограниченную только двумя классами – рабочих, колхозников и прослойкой интеллигенции.

Изучение истории трансформации социальной стратификации общества на территории Узбекистана позволяет нам сделать некоторые выводы и на их основании сформулировать рекомендации, учет которых может помочь активизировать социальные преобразовательные процессы в современном независимом Узбекистане. История показывает, что:

1. Трансформации социальной структуры общества должны являться результатом его естественного развития, применение административных мер в этом процессе оборачивается для общества огромными социальными, экономическими и даже демографическими потерями.

2. Смена общественных отношений и социального состава общества всегда предполагает переходный период, связанный не только с политическими и экономическими трудностями, но и со сложными проблемами социальной адаптации людей, когда происходит болезненный процесс изменения их психологии, мышления, привыкания к новым жизненным реалиям.

3. В условиях рыночных отношений крепкой экономической основой и социальной силой в обществе являются средние собственники – наиболее предприимчивая в индивидуальной производственной деятельности, экономически активная, инициативная часть населения, которая обеспечивает обществу процветание и стабильность, утверждая принцип, что богато то государство, в котором богата каждая семья.

4. В составе средних собственников особой экономической устойчивостью и продуктивностью обладает социальная страта людей, занятых частным семейным предпринимательством (в 20-е годы XX в. они назывались «хозяева, работающие с помогающими членами семьи»). Ее значение для общества неопределимо тем, что помимо экономических, она помогает решать важные социальные и морально-этические задачи – занятость населения, преемственность семейных профессиональных навыков, воспитание у молодого поколения трудолюбия, терпения и терпимости, уважения к старшим и

взаимоуважения.

5. В социальной структуре общества на территории Узбекистана при любой форме его стратификации высшей ценностью всегда являлся народ, который в самых трудных ситуациях выживал благодаря своей вере, трудолюбию и терпимости. Именно это подчеркивает Президент Республики Узбекистан И.А. Каримов в своем труде «Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса»: «Народ сам в себе несет огромную ценность, мощный потенциал, реализация которого служит сильнейшим фактором развития и прогресса нашего общества. Человеческий потенциал наиболее активный, наиболее созидательный фактор, обеспечивающий динамичное продвижение страны по пути реформ и процесса преобразований»¹⁰³.

¹⁰³ Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса / По пути безопасности и стабильного развития. – Ташкент: Узбекистон, 1998. Т. 6. – С. 194.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ

Монографии, учебники и брошюры

1. Махкамова Н.Р. Социальная структура общества на территории Узбекистана: традиции и трансформации (конец XIX в. – 30-е гг. XX в.). Монография. – Ташкент: Aloqachi, 2009. – 240 с.
2. Махкамова Н.Р. Роль ислама в жизни среднеазиатского общества (вторая половина XIX в. – начало XX в.) (научно-методическое пособие) – Ташкент: Aloqachi, 2007. – 48 с.
3. Махкамова Н.Р. Очерки становления и формирования национальной интеллигенции Узбекистана (научно-методическое пособие) – Ташкент: Aloqachi, 2008. – 64 с.

Журнальные статьи

4. Махкамова Н.Р. Ценный источник по истории Узбекистана 1925 – 1937 гг. // Общественные науки в Узбекистане. – Ташкент, 1994. – № 6. – С. 54-58.
5. Махкамова Н.Р. К вопросу об уровне просвещенности среднеазиатских государств конца XIX – начала XX вв. // O'zbekiston tarixi. – Тошкент, 2000. – № 1-2. – С. 13-22.
6. Махкамова Н.Р. Социально-нравственные и духовные процессы в узбекистанском обществе конца XIX – начала XX вв. // Общественное мнение. Права человека. – Ташкент, 2001. – № 2. – С. 85-91.
7. Махкамова Н.Р. Ўзбекистон жамиятида ўртаҳол мулкдорлар синфининг таркиб топиши // O'zbekiston tarixi. – Тошкент, 2001. – № 2. – Б. 20-30.
8. Махкамова Н.Р. Туркистонда мулкдорлар синфи // Фан ва турмуш. – Тошкент, 2001. – № 5-6. – Б. 19.
9. Махкамова Н.Р. Развитие и деятельность национальной интеллигенции в Узбекистане XIX – начала XX века // Общественные науки в Узбекистане. – Ташкент, 2002. – № 3-4. – С. 62-70
10. Махкамова Н.Р. Была ли ликвидирована безработица в Узбекистане в 1930 г.? // Общественное мнение. Права человека. – Ташкент, 2002. – № 2. – С. 53-60.
11. Махкамова Н.Р. Formation of class of middle owners in the Uzbek society at the end of the 19th – beginning 20th centuries // International Journal of Central Asia Studies. – Seoul, 2002. – Vol. 7. – P. 53-65.
12. Махкамова Н.Р. Модель социальной структуры узбекистанского общества: тенденции развития, насильственное разрушение // O'zbekiston tarixi. – Тошкент, 2002. – № 4. – С. 20-30.
13. Махкамова Н.Р. Миллий зиелилар шаклланиши // Мулоқот. – Тошкент, 2003. – № 1. – Б. 22.
14. Махкамова Н.Р. Классовая направленность формирования новой советской интеллигенции // O'zbekiston tarixi. – Тошкент, 2004. – № 1. – С. 7-15.
15. Махкамова Н.Р. Миллий илмий кадрлар тайерлаш масаласи // Жамият ва бошқарув. – Тошкент, 2004. – № 1. – Б. 64-66.
16. Махкамова Н.Р. Социальная структура общества Туркестанского края в условиях колониального режима // Вестник КазНУ им. Фараби. Историческая серия. – Алматы, 2004. – № 3 (34). – С. 61-65.
17. Махкамова Н.Р. Вопросы исламской регламентации производственной сферы Туркестана (земледелие, ремесло, торговля) // O'zbekiston tarixi. – Тошкент, 2005. – № 1. – С. 26-36.

18. Махкамова Н.Р. Historical Distinctions of Mentality Progress in Uzbek Civic Society // International Journal of Central Asia Studies. – Seoul, 2005. – Vol. 10. – P. 177-186.
19. Махкамова Н.Р. Разрушение традиционной социальной структуры узбекского кишлака // O'zbekiston tarixi. – Тошкент, 2006. – № 1. – С. 4-10.
20. Махкамова Н.Р. Ислам и власть (20-е годы XX века) // Общественное мнение. Права человека. – Ташкент, 2006. – № 1. – С. 146-154
21. Махкамова Н.Р. Мулкдорлар маърифат учун // Муҳофаза. – Тошкент, 2008 – № 4. – Б. 23.
22. Махкамова Н.Р. Репрессивная социальная политика советской власти в первые годы после ее установления // O'zbekiston tarixi. – Тошкент, 2007. – № 4. – С. 56-68.
23. Махкамова Н.Р. Рецензия на монографию А.А. Голованова и И.М. Саидова «Узбекское дехканство на историческом повороте второй половины XIX – первой трети XX в.» // O'zbekiston tarixi. – Тошкент, 2008. – № 1. – С. 122-125.
24. Махкамова Н.Р. Социальная структура общества Ташкента в первой четверти XX века (на материалах переписей населения) // O'zbekiston tarixi. – Тошкент, 2009. – № 1. – С. 58-66.

Статьи, опубликованные в материалах республиканских и международных конференций

25. Махкамова Н.Р. Бухоро тарихи ва Садриддин Айний // Бухоро ва Хива шаҳарларнинг 2500 йиллигига бағишланган халқаро симпозиум тезислари. – Тошкент, 1997. – Б. 51-52.
26. Махкамова Н.Р. Тижоратчилар – Ўзбекистон мулкдорлар синфининг таркибий қисми сифатида // «Ўзбекистон мустақиллиги – унинг фани ва технологиялари ривожлантириш кафолати» мавзусидаги бешинчи республика илмий конференцияси. Маърузалар туплами. 2-том. – Тошкент, 2001. – Б.172- 176.
27. Махкамова Н.Р. Социальная структура туркестанского кишлака в начале XX века // «Ўзбекистон тарихи ва археология фанларининг долзарб муаммолари» республика илмий конференцияси материаллари. – Самарканд, 2003. – С. 159-163.
28. Махкамова Н.Р. Unemployment and attempts to resolve the problem in Uzbekistan in 1920s-1930s // The Fifth International Association of Central Asian Studies Conference. – Tashkent, 2004. – P. 21-22.
29. Махкамова Н.Р. Создание в Узбекистане системы подготовки специалистов (20–30-е годы XX века: позитивные и негативные стороны) // «Преподавание отечественной истории: проблемы и инновации». Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Казахского национального университета им. Аль-Фараби. – Алматы, 2004. – С. 51-55.
30. Махкамова Н.Р. Традиции Великого Шелкового пути и его влияние на развитие торговли в Средней Азии (в конце XIX–начале XX века) // «Буюк Ипак Йўли ва Фарғона водийси» мавзусидаги республика илмий-амалий анжуман материаллари. – Тошкент, 2004. – С. 121-125.
31. Махкамова Н.Р. Женщина и ислам в истории Туркестана // Ўзбекистон хотин-қизлари: кеча ва бугун. Илмий-амалий конференция маърузалари. – Тошкент, 2005. – С. 37- 43.
32. Махкамова Н.Р. Роль ислама в жизни общества Туркестана во второй половине XIX – начале XX вв. // “Ўзбекистоннинг ислом цивилизацияси ривожига қўшган хиссаси”. Таълим, фан ва маданият бўйича ислом ташкилоти ISESCO томонидан Тошкент шаҳрининг 2007 йилдаги Ислом маданияти пойтахти деб эълон қилинишига

бағишланган халқаро конференцияга йўлланган маърузалар ва табриklar тезислари тўплами. –Тошкент–Самарқанд, 2007. – С. 123-126.

33. Махкамова Н.Р. The Model of Social Development in the Uzbekistan Society (the end of the 19th century – the end of 1930-s) // International Conference on IT Promotion in Asia 2007. – Tashkent, 2007. – P. 1-3.

34. Махкамова Н.Р. Из истории социальных отношений в Узбекистане // Олима аёлларнинг фан-техника тараққиётида тутган ўрни. Республика илмий-амалий анжумани материаллари. – Тошкент, 2008. – С. 214-216.

35. Махкамова Н.Р. Периодическая печать 20-30-х гг. XX века как источник по социально-экономической истории Узбекистана // Тарихий манбашунослик муаммолари. Республика илмий-амалий анжумани материаллари. – Тошкент, 2008. – С. 306-309.

36. Махкамова Н.Р. Динамика состава населения города Ташкента в первой четверти XX века // Ўзбекистон пойтахти Тошкент 2200 ёшда. Халқаро илмий конференция маърузалари. – Тошкент, 2009. – С. 275-279.

37. Махкамова Н.Р. Подготовка кадров в Узбекистане в 30-е гг. XX в.: положительная динамика, негативные аспекты // Проблемы развития информационно-коммуникационных технологий и подготовки кадров. Сборник трудов международной научной конференции. – Ташкент, 2009. – С. 209-212.

38. Махкамова Н.Р. Средние собственники в колониальном Туркестане в начале XX в.: тенденции развития и социальная роль в обществе // Социальная жизнь народов Центральной Азии в первой четверти XX века: традиции и инновации. Материалы международной конференции. – Ташкент, 2009. – С. 55-60.

**Тарих фанлари доктори илмий даражасига талабгор Маҳкамова Нодира
Раҳмановнанинг 07.00.01 – Ўзбекистон тарихи ихтисослиги бўйича “Ўзбекистон
худудида жамият ижтимоий тузилмаси:
анъаналар ва трансформациялар (XIX аср охири – XX асрнинг 30- йиллари)”
мавзусидаги диссертациясининг**

РЕЗЮМЕСИ

Таянч (энг муҳим) сўзлар: жамиятнинг ижтимоий тузилмаси, жамиятни стратификациялаш, ижтимоий страталар, мустамлака даврида жамиятни ижтимоий стратификациялаш трансформацияси, совет даврида жамиятни ижтимоий стратификациялаш трансформацияси, Россия империясининг мустамлакачи ижтимоий сиёсати, совет давлатининг қатағонча ижтимоий сиёсати.

Тадқиқот объектлари: Мустамлака ва совет даврида Ўзбекистон худудида жамият ижтимоий тузилмаси ва унинг трансформацияси.

Ишнинг мақсади: Ўзбекистон худудидаги жамият ижтимоий трансформациясини XIX аср охиридан XX асрнинг 30-йиллари охирида кечган сиёсий-ижтимоий ва ижтимоий-иқтисодий жараёнлар билан узвий боғлиқликда тадқиқ этиш.

Тадқиқот усуллари: муаммовий-хронологик, тарихий-ретроспектив, қиёсий ва тизимли таҳлил.

Олинган натижалар ва уларнинг янгилиги: Ишда Ўзбекистон худудида ижтимоий стратификация масаласини ўрганишга мамлакат тарихшунослигида авваллари қўлланилмаган жамиятни стратификациялаш назарияси асосидаги концептуал-методологик мавқеъ нуқтаи назаридан ёндашган ҳолда комплекс тарзда кўриб чиқиб, узок давом этган тарихий давр мобайнида ўрганишга ҳаракат қилинди.

Амалий аҳамияти: диссертацияда тизимлаштирилган маълумотлар Ўзбекистоннинг тарихий ўтмиши ҳақидаги билимларнинг чуқурлашувига ва ёшлар дунёқарашининг шаклланишига ёрдам бериши мумкин.

Татбиқ этиш даражаси ва иқтисодий самарадорлиги: диссертация материаллари асосида жамми 38 та иш эълон қилинган, жумладан, 1 монография, 21 та журнал мақоласи (жумладан 3 таси хорижий журналларда), 3 та ўқув қўлланмадан иборат акс этган. Ушбу нашрлардан олий таълим муассасалари талабалари, олимлар фойдаланиб келмоқда.

Қўлланиш соҳаси: Тадқиқот материаллари, қўлга олинган натижа ва хулосаларидан жамиятшунослар, сиёсатшунослар, тарихчилар Ўзбекистон тарихи фанидан олий ва ўрта махсус ўқув юртлари талабалари учун илмий-методологик қўлланмалар ёзишда, юқори малакали кадрларни тайёрлаш жараёнида фойдаланишлари мумкин.

РЕЗЮМЕ

диссертации Махкамовой Надиры Рахмановны на тему: «Социальная структура общества на территории Узбекистана: традиции и трансформации (конец XIX в. – 30-е годы XX в.)», представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.01 – История Узбекистана

Ключевые слова: социальная структура общества, стратификация общества, социальные страты, трансформации социальной стратификации общества в колониальный период, трансформации социальной стратификации общества в советский период, колониальная социальная политика Российской империи, репрессивная социальная политика советской власти.

Объектом исследования является социальная структура общества на территории Узбекистана и ее трансформации в условиях колониального и советского режимов.

Цель работы: комплексное исследование трансформаций социальной стратификации общества на территории Узбекистана в тесной взаимосвязи с общественно-политическими и социально-экономическими событиями в период с конца XIX в. до конца 30-х годов XX в.

Методы исследования: проблемно-хронологический, ретроспективно-исторический, сравнительного и системного анализа.

Полученные результаты и их новизна: в работе впервые предпринята попытка подойти к изучению проблемы социальной стратификации общества на территории Узбекистана с новых, до настоящего времени не применяемых в отечественной историографии концептуально-методологических позиций теории стратификации общества, рассмотреть ее комплексно, в течение длительного исторического периода.

Практическая значимость: систематизированные в диссертации материалы могут помочь дальнейшему углублению знаний об историческом прошлом Узбекистана и формированию мировоззрения молодежи.

Степень внедрения и экономическая эффективность: на основе материалов диссертации опубликовано 38 работ, включающих 1 монографию, 21 журнальную статью (в том числе 3 в иностранных журналах), 3 методических пособия. В настоящее время ими пользуются студенты ВУЗов и научные работники.

Область применения: материалы исследования могут быть полезны обществоведам, политологам, историкам при написании трудов по истории Узбекистана, научно-методических пособий для студентов вузов и средне-специальных учебных заведений, при подготовке кадров высшей квалификации.

RESUME

Thesis of Makhkamova Nadira Rakhmanovna on the scientific degree competition of the Doctor of Science in History, specialty 07.00.01 – History of Uzbekistan, on the subject “Social structure of society in the territory of Uzbekistan: traditions and transformations (the close 19th century – 1930s)”

Key words: social structure of society; stratification of society; social strata; transformations of social stratification of society during the colonial period; transformations of social stratification of society during the Soviet period; colonial social policy of the Russian empire; repressive social policy of the Soviet power.

Subject of the inquiry is the social structure of society in the territory of Uzbekistan and its transformations in conditions of colonial and Soviet regimes.

Aim of the inquiry: is a complex investigation of transformations of the social stratification of society in the territory of Uzbekistan in close entwinement with political and socioeconomic events during the period from the end of the 19th century up to the end of the 1930s.

Method of the inquiry: the research has employed the problem-and-chronological and retrospective-historical methods, the methods of comparative and of system analyses.

The results achieved and their novelty: the dissertation is the first to make an attempt of approaching the studying of the problem of social stratification of society in the territory of Uzbekistan and to do a complex, multifaceted research covering a long historical period. The research was pursued from the new conceptual – methodological positions of the theory of stratification of society, what has not been used in domestic historiography until now.

Practical value: the materials systematized in the dissertation can help and contribute to more profound knowledge of the historical past of Uzbekistan thereby assisting to the formation of the worldview and ideology of the youth.

Degree of embed and economic efficiency: the material of the dissertational work is reflected in 38 publications including the monograph, 21 journal articles(including three articles in foreign journals), and three educational books. Currently these publications are used by university students and researchers.

Sphere of usage: material of the research might be useful to scholars of social and political sciences, to historians in their writing works on the history of Uzbekistan and in writing scientific-methodical study guides for students of higher education establishments and secondary-special educational institutions, as well as for professional training of high-skilled specialists.